

НАСТАСЬЯ КАРПИНСКАЯ

ШАНС НА СЧАСТЬЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Одинокие

Настасья Карпинская

Шанс на счастье

«Автор»

2019

Карпинская Н.

Шанс на счастье / Н. Карпинская — «Автор»,
2019 — (Одинокие)

ISBN 978-5-532-94281-3

Откуда вам знать, каково быть на дне! Откуда вам знать, каково быть недостойной даже любви мужчины! Грязь. Везде, куда ни сунься, грязь... Я тоже в ней по самое горло... Осуждаете? Не стоит, я с этим прекрасно справляюсь сама...Первая книга в серии"Одинокие".Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-94281-3

© Карпинская Н., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Настасья Карпинская

Шанс на счастье

Пролог

- Не бойся, я ничего с собой не сделаю.
- Говорят, суицидникам верить нельзя, – сквозь зубы произнёс Демид, затягиваясь сигаретой.
- Мне можешь верить.
- И почему же? – неприкрытая ирония сквозит в его голосе.
- Ты попросил меня, ничего такого не делать, я обещала. Значит, не сделаю.
- Вик, порой одних слов мало, – снова недоверие, и очередная затяжка. Он выпускает дым, а я слежу за каждым его движением, стараясь отложить их в своей памяти до мелочей.
- Если бы сейчас ты сказал прыгнуть с этого балкона, я бы, не задумываясь, это сделала. Сказал бы вздернуться, то уже готовила бы веревку. Я сделаю всё, что ты попросишь, если этим я хоть немного смогу тебе понравиться. Не смотри на меня, как на сумасшедшую. Я понимаю, что это ненормально, и это пугает, но я откровенна с тобой. Так же понимаю, что ничего из этого не поможет.
- Я хочу, чтобы ты была жива и счастлива, – он оборачивается в мою сторону и тревожно смотрит в мои глаза. – Будь счастливой, Вик.
- Хорошо. Я попытаюсь.
- Я могу тебя отвезти.
- Не надо, такси уже ждет, – я кивнула в сторону машины, стоящей у подъезда, которую было хорошо видно с балкона. Провела кончиками пальцев по его щеке и грустно улыбнулась. – Спасибо тебе за всё.
- Тебе не за что меня благодарить.
- Есть, за помощь и сказку, что подарил.
- Вик... – Демид качнул головой, пытаясь подобрать слова. Но мы оба знаем, что это невозможно. Ему нечего мне сказать.
- Прощай, Дём, – я привстала на носочки, поцеловала его в щеку и вернулась в комнату. Прихватив сумку и чемодан, вышла из квартиры, оставляя в ней саму себя, свою любовь, надежду и единственный подарок в жизни.

**Действия в романе происходят спустя полгода после описываемых событий в «Тону в тебе»*

Глава 1

Утро началось, как обычно, поздно. Отключив будильник, я встала с дивана и, всунув ноги в тапочки, направилась на кухню. Поставив старый железный чайник тысяча девятьсот восьмидесятого года выпуска на обшарпанную плиту «Лысьва», которая была ровесницей чайника, отправилась в душ. Пока нагревается старая конфорка, я успеваю не только ополоснуться и почистить зубы, но и высушить волосы феном.

Выпив кружку растворимого кофе с бутербродом, я открыла форточку и закурила. Обветшала деревянная рама снова разбухла от дождя, и створки окна теперь не открывались. За окном моросил дождь. Противная осенняя слякоть гнала в минус и так безрадостное настроение.

Сегодня надо прийти в клуб без опозданий, а то снова нарвусь на штраф. А это ощутимо отражается на моём кармане, да и Ира Кире нажалуется.

С этими мыслями затушила сигарету и пошла собираться на работу.

День выдался суматошный. Устал, как собака, ещё и Романыча пришлось зря прождать полтора часа у «Эры». Петя так и не смог вырваться с наблюдения, чтобы передать фотоматериал по клиенту. Придется ждать до завтра. А это уже рабочая накладка. Блин, всё как обычно через задний проход. Закурив, прислонился к машине, набирая сообщение парням с указаниями по очередному клиенту. Спать хотелось дико. Плюнуть бы на всё и устроить себе выходной. Может и правда, разгрести дела, освободить завтрашний вечер, да к Темычу в клуб завалиться? Завтра пятница, в программе красивые девки и новомодный ди-джей. Что ещё надо после напряженной недели?

Вот такие грешные мысли лезли в мою голову, пока я докуривал сигарету, рассматривая здание «Эры». Но неожиданно моё внимание привлекла интересная парочка у входа...

Ночь подошла к концу. Мышцы ног болели так, что казалось, и пары шагов не выдержу. Выйдя из «Эры» через служебный выход, не успев даже вдохнуть свежего воздуха, я тут же наткнулась на неприятного мужчину, который в два шага преградил мне путь. От него ощутимо несло табаком и выпитым накануне алкоголем.

– А я тебя жду, красавица, – гадко протянул он, делая шаг в мою сторону.

– Простите, но я не работаю сегодня, – я попыталась его обойти.

– Ну, это я решаю, работаешь ты или нет. В прошлый раз мне очень всё понравилось, – он схватил меня за руку и нагло потянул на себя. – И я не против повторить.

– Отпусти, – я попыталась вырвать руку, но безуспешно, а дотянуться до перцового баллончика в сумке было проблематично. Сколько раз зарекалась класть его в карман. Нужно срочно что-то придумать. Такие ситуации возникали не часто, но и открытием для меня не были.

– Эй, мужик! – неожиданно раздался громкий голос со стороны парковки. – По-моему, девушка не хочет идти с тобой. Советую убираться восвояси, – повернув голову, увидела молодого мужчину. Он стоял у черной БМВ, вальяжно оперевшись на дверцу, и курил.

– Слышь, ты, хрен моржовый, рот закрой! Я сам с этой шл*хой все решу! Пошли! – и снова дёрнул меня за руку.

Я вскрикнула от боли. От выплеска адреналина меня ощутимо затрясло. В следующую секунду, оттолкнувшись от машины, мой потенциальный защитник направился в нашу сторону. В голове я уже прокручивала план побега. Если вдруг завяжется большая потасовка, то придётся быстро уносить ноги. Но, откинув от меня руку этого мужлана, парень с одного удара уложил его на асфальт.

– Ты сутер её, что ли? – вытирая кровь с разбитой губы, простонала эта жирная скотина.

– Вон пошёл, – нависая над ним, грозно прошипел молодой мужчина. Сейчас находясь в шаге от меня, он казался мне очень знакомым.

Точно. Я видела его раньше в клубе, причём довольно часто в компании начальства. Пьяный мужик, покачиваясь, поднялся с асфальта и с потоком ругательств в наш адрес, пошёл в сторону припаркованного у дороги такси, продолжая сыпать угрозами.

– Спасибо, что помогли, – произнесла, потирая пострадавшую руку.

– Не страшно заниматься таким ремеслом? Да ещё в статусе индивидуалки? – сверля меня тяжелым взглядом, иронично спросил мой заступник, поправляя дорогие часы на запястье.

– Не понимаю, о чём вы? – главное в таких ситуациях – вовремя включить дуру.

– Всё ты понимаешь! – выплюнул эти слова с таким пренебрежением, что стало не по себе. Но мне не привыкать к такому обращению, проглотчу.

– Уважаемый, спасибо, конечно, за помощь, но вы – знакомый Артёма Сергеевича. Ведь так? – мужчина ничего не ответил. Лишь высокомерно ухмыльнулся. – Не думаете, что мне как-то не с руки откровенничать с вами? Могу и работы лишиться, – ответила и, развернувшись, пошла в сторону остановки.

Некрасиво, конечно, всё-таки заступился, помог, но по-другому я не могла. Если до Артёма дойдет эта информация от его знакомого, то я останусь без единственного источника постоянного дохода. Сев на первый трамвай доехала до нужного мне места. После произошедшего нервы расшалились совсем, и я шла, оглядываясь по сторонам, опасаясь каждого тёмного закутка в переулке. Прикупив в магазине пару пакетиков корма для кошек, булку хлеба и пакет молока, направилась в сторону дома.

Не знаю, зачем проследил за ней. Обычная продажная девка, зарабатывающая на жизнь своим телом. Ничего особенного. Таких, как она, сотнями можно встретить, причем за одну ночь. Но что-то в ней меня заинтересовало. Но вот что? Увидев, как она выходит из трамвая и идёт в сторону небольшого магазина, решил дождаться её. Девушка вышла из продуктового и прошла во двор к старым трехэтажным сталинкам. Достав что-то из сумки, остановилась у входа в подвал. Тут ей на встречу вышла облезлая, потрепанная кошка, которой она на картонку выложила, видимо, только что купленный корм. М-да, проститутка – кошатница, чего только в жизни не увидишь. И зачем за ней поперся? Нет, мне точно нужен выходной, творю уже хрен пойми, что. Выругавшись себе под нос, развернул машину и поехал домой.

Я уже подъезжал к подъезду, как раздался звонок. И чего Францу не спится?

– Привет, Стасян!

– Здорово! Как на счет прокатится на рассвете?

– Ты прямо романтик: байк, дорога, рассвет и крошка, поди, в комплекте.

– Нет, я без баб. Нахрен. Просто настроение никакое.

– Извини, я бы составил тебе компанию, но не сегодня. Сутки на ногах почти, мне бы до кровати добраться.

– Понял. Тогда отдыхай. Созвонимся, – попрощавшись со Стасом и, припарковав машину, пошёл домой.

Утро настало рано, и было оно отнюдь не добрым. В девять утра начал настойчиво звонить телефон, вызов на котором я так же настойчиво сбрасывал, пока меня эта жуткая какофония не измотала.

– Если это не пожар, не чье-то убийство, то лучше сразу положите трубку и забудьте этот номер, пока я не послал вас к х*ям, – проговорил сонным голосом, даже не открывая глаза.

– Демид, ты совсем обалдел! Мама до тебя всё утро дозвониться не может, – раздался возмущенный голос сестры.

– Я спать лёг три часа назад! Что вам надо в такую рань?

– Опять по клубам шлёлся? Сколько можно, Дём!? Когда ты уже повзрослеешь? – ага, и стать таким же снобом, как мои родители и сестра. Нет уж, увольте.

– Мира, что тебе надо? Или говори, или я отключаю телефон.

– Мама завтра устраивает званый ужин в честь отца. Сказала, чтобы ты обязательно приехал, – бл*, опять это сборище заумных профессоров и академиков с неху*вым багажом пафоса на плечах.

– Нет.

– Дём! Это важно для родителей!

– Я сказал «нет»! Меня на этом празднике атомов и молекул не будет. Родителям привет! – с этими словами я повесил трубку. Выключив звук на телефоне, перевернулся на живот и, уткнувшись в подушку, снова заснул.

Глава 2

Дождь... Капли воды медленно стекают ручейками по стеклу, отбивают незатейливый ритм по карнизам и крышам. Шум дождя, словно мантра самой природы. Он, как бальзам на раненные души. Когда идёт дождь, всё внутри настраивается на другую, особую волну, особую мелодию. Всё замедляется вокруг, будто кто-то сверху нажимает на кнопку и меняет скорость кадров.

Я смотрю в окно, прикуривая очередную сигарету. Люди пробегают через двор: кто под зонтами, кто пытается укрыться от дождя с помощью капюшонов и дождевиков, а кто-то, не боясь, шагает под холодными каплями, размышляя о чём-то своём. У каждого из этих людей свои собственные мысли и проблемы. Бабушка, спешащая на автобус, возможно, думает о том, что надо не забыть купить лекарство. Мужчина, обметающий от мокрой листвы стекло своего автомобиля, весь в мыслях о том, как выплатить кредит. Женщина в красной куртке мечтает о новом любовнике, а девочка, идущая в школу, надеется, что сегодня её не спросят на уроке химии. У каждого своё... Своя радость, своя боль, свои переживания. У каждого своё... и это неизменно. Мы эгоистичны по своей натуре, мы видим только свою боль, свои проблемы. Нас редко волнуют переживания других. Нас не задевает боль проходящего мимо нас человека или стоящего рядом с нами в очереди. Даже если это знакомый. Нет, мы, конечно, выразим сочувствие, скажем пару слов в поддержку, похлопаем по плечу, говоря, «что всё будет хорошо», «всё наладится», «ты главное держись» и пойдём дальше по своим делам, уже через пару минут забывая о чужой проблеме, потому что уже и сами не верим в то, что-то когда-то всё наладится. Потому что надежда давно позабыта, отложена в угол, как старый ненужный хлам.

Тушу докуренную до фильтра сигарету и одеваюсь. Выйдя на улицу, спешу на остановку. Очередная рабочая ночь, каких уже были сотни в моей жизни и сотни ещё будут. Главное отодвинуть эмоции в сторону и улыбаться. Пятница. В клубе сегодня будет полно народу, а значит много работы. Я захожу в гримерку и здороваюсь с девчонками.

– Викусь, у тебя красная помада есть? А то моя закончилась, – канючит жалобно Анжелка. Конечно, никакая она не Анжелика, по паспорту – Иванова Мария Геннадьевна, но тут она для всех именно белокурая Анжела, порхающая как мотылек между сценой и гримерной.

– Есть, сейчас дам, – бросаю девушке, улыбаясь. Переступив этот порог, я уже надела привычный образ. Тут так делают все. Улыбаются, шутят, подбадривают друг друга подколами. Иначе нельзя. Стоит только одной сорваться, показать слабость, заплакать после неудачного привата, как кто-то обязательно подхватит, и всё это пойдёт цепочкой, срывая рабочий настрой. А тут все держатся за своё место. «Эра» – один из немногих клубов, в которых не требуют спать с клиентами, а, наоборот, это пресекают. Тут никого и никогда не обманули с зарплатой, не кинули на бабки, никто ни к чему не принуждает. Девчонки, хапнувшие в жизни достаточно дерьма, это понимают и держатся как можно крепче.

Ночь подходит к концу. Всё тело, как и ноги, невыносимо ноет. Снова все лодыжки в синяках. Неудачный поворот на пилоне, и да здравствуют новые ссадины, синяки и ушибы.

– Вик, у тебя приват через десять минут, второй этаж, левое крыло, третья випка, – проносит Ира, заглянув в гримерную.

– Хорошо. Сейчас подготовлюсь. Это последний, Ир?

– Да, – освежив макияж и расчесав волосы, иду работать.

Пройдя в комнату, беру в руки пульт со столика и включаю музыку, только потом перевожу взгляд на сидящего на диване мужчину.

– Пожелания? – спрашиваю, выдавив из себя улыбку, прекрасно его узнавая.

– Особых пока никаких. Танцуй, – удивляет, что мужчина абсолютно трезв. В такое время это тут редкость. Подчиняюсь, делаю громкость больше и начинаю двигаться.

Пятница. Вечер. Нет, уже ночь. На часах пятнадцать минут первого, а я только закончил с очередным делом. Распечатываю последний лист отчета для клиента и, вложив его в папку, убираю всё в стол. Выхожу из офиса. Дождь всё ещё противно моросит, делая ещё отвратительней сегодняшнюю ночь. Разминаю шею и, вытащив из кармана пачку сигарет, закурываю.

Телефон снова звонит, как всю предыдущую неделю. Стас. Знаю, что позовет прокатиться или выпить. Но настроения сегодня нет никакого. А окружающие будто чувствуют это и начинают ещё больше уговаривать. То Стасян, то Славка, то Андрюха, даже Данька и тот позвонил на днях. Про Игоря с Орловым вообще молчу, а мне не хочется ни рожей своей кислой сверкать, ни настроение людям портить. Наверное, просто устал. Надо бы взять отпуск, да только остановиться не могу и не хочу. Работаю как загнанный, на износ. Знаю, что, если приторможу сейчас, сам себя изведу. Выбрасываю окурочек в урну и сажусь в машину. Домой, отоспаться, а утром начнётся новый день. Только в пустую квартиру, сегодня совсем не тянет. Точно, бл*ть, осенняя хандра, мать её. Никогда подобной чепухой не страдал. С чего это вдруг накатило? Проезжаю по знакомым улицам, и, плюнув на всё, сворачиваю к «Эре».

Толпа народа, громкая музыка, веселье в пьяном угаре.... Вот она, иллюзия свободы, свободы, которую большая часть из присутствующих тут не имеет на самом деле. Все они от кого-то или чего-то зависимы, порой даже сами того не понимая.

Подхожу к бару.

– Здравствуйте, Демид Альбертович! – приветствует меня бармен.

– Привет, Миш! Налей мне колы.

– С виски?

– Нет, просто колы. Я за рулем.

– Хорошо. Секунду. Кстати, Артём Сергеевич ещё у себя.

– Спасибо за информацию, – поблагодарил предусмотрительного парня и, взяв свой бокал с колой, облокотился на стойку, рассматривая происходящее на сцене. Девушка танцевала у пилон, выделявая разные пируэты. Красивое тело, волосы, грация. Не просто дрыгание, а красивая пластика. Это завораживало.

– Нравится? – спрашивает Мишаня, протирая бокалы.

– А такая может не понравиться?

– Ну, разве что гомосеку, – ухмыляется парень.

– Ну и я о том же. Как зовут-то её?

– Виктория. Кстати, приваты она тоже танцует.

– Мишаня, тебе не барменом работать надо, а в рекламе. Такой талант пропадает.

– Э-э-э, не понял, – озадачился парень. А я, ухмыльнувшись, поставил бокал на стойку и подошёл к администратору, стоявшей неподалеку. Мне понравилась мысль Мишки о привате. Давно я с женщинами не развлекался. Весь месяц сплошной аврал, так и импотентом стать недолго. Пусть станцует, а там посмотрим, может, желание кого подцепить на ночь, появится.

– Ириш, привет!

– Здравствуйте, Демид Альбертович! – улыбнувшись, протянула девушка.

– Для тебя можно просто Демид. Договорились?

– Договорились. Чем-то могу помочь, Демид?

– Вот, уже лучше. Ириш, мне бы вон ту девушку, что сейчас на сцене танцевала, на приватный танец. Организуешь?

– Конечно, третья VIP-комната на втором этаже свободна. Проходите, а девушка подойдёт через десять минут.

– Спасибо. Ты – прелесть, – подмигнув девушке, отправляюсь наверх.

Повернувшись спиной к мужчине, начинаю танцевать. Наклон, призывный изгиб спины, движение рук, поворот. Мужчина жестом просит приблизиться. Я подчиняюсь, подхожу ближе, скольжу по его коленям. Улыбаюсь, несмотря на то, что меня в нем что-то настораживает. Весь его вид говорит о том, что он или бандит, или мент, одно из двух. Как говорится, третьего не дано, потому что пока скольжу по нему руками и трюсь о его тело, под курткой чётко чувствую оружие. Это лишь укрепляет мои догадки. Музыка заканчивается, и я останавливаюсь. Щелкаю пультом, включая ненавязчивую мелодию, и убавляю звук.

– Продолжим? Во сколько заканчиваешь?

– Я не оказываю такого рода услуги.

– Мы, кажется, это ещё в прошлый раз выяснили.

– Не помню подобного. Мне идти надо, простите. – Пытаюсь быстро исчезнуть за дверью.

– Стой, – это не просьба, это приказ. Я замираю на месте, оборачиваясь.

– Я не пойму, ты бандит или мент? – мужчина неожиданно улыбается.

– Не помню, чтобы мы переходили на «ты».

– Я могу идти?

– Нет. Не волнуйся, я оплачу потраченное время. Сядь, – выбора он мне не оставляет.

Таким порой лучше уступить, чем потом расхлебывать его агрессию большой ложкой. Устало скидывая туфли с ног и сажусь на диван. – Даже не испугалась?

– Кого или чего? – мужчина улыбается моему вопросу.

– Дерзкая. Такие, как ты, часто огребают.

– Не надо пытаться меня пугать, не выйдет. Ты не сможешь сделать со мной ничего такого, что со мной ещё не делали. Разве что убить. Так что говори быстрее, чего хочешь, а то я устала. Это был мой последний танец на сегодня, и я хочу домой.

– Весь вечер на сцене?

– С десяти часов.

– Я тоже устал, поэтому не хочу распыляться и битый час пытаться подцепить девку у бара на эту ночь. Поехали ко мне. Расслабимся, а потом я вызову тебе такси, и ты поедешь домой с хорошо пополненным кошельком.

– Мне дорога эта работа. Поэтому нет.

– Хватит ломаться, тебе это не идет. Жду тебя у выхода, – с этими словами мужчина поднялся и вышел за дверь.

Что же мне так везёт? То неадекватные уроды, то бандиты с ментами. Выдыхаю и, впихнув ноги в неудобные туфли, иду собираться. Ира уже ждёт в гримерной, вручает конверт с чаевыми за сегодня и удаляется. Пересчитываю деньги и прячу в сумочку.

Влажный и прохладный воздух кажется почти лакомством после духоты клуба, а кроссовки даром богов после одиннадцатисантиметровой шпильки. Не успеваю подкурить сигарету, как возле меня тормозит черная БМВ.

– Садись, – произносит мужчина, опуская стекло.

– Не принимаешь отказа?

– Вы, Виктория, не в том положении, чтобы их раздавать.

– Точно мент, – открыв дверь машины, сажусь. – Закурить могу?

– Кури, – произносит, выезжая на дорогу. А я только сейчас понимаю, что даже имени его не знаю.

Глава 3

– Я могу узнать твоё имя?

– Демид, – коротко отвечает мужчина, сосредоточив своё внимание на дороге. Я больше не задаю вопросов, докуриваю сигарету и расслабленно слушаю льющуюся классическую мелодию, что играет в машине. Смотрю в окно на ночные огни города, замечаю пару влюбленных парочек, прогуливающих по набережной. Демид останавливается на светофоре, а я наблюдаю, как одна из девушек заливисто смеется и смотрит на своего спутника искрящимися от счастья глазами. Счастье... Странная эта «вещь» – счастье, кому-то доступное, а кому-то нет. Некоторые всю жизнь о нём мечтают, а для таких, как я, оно и вовсе вне зоны досягаемости. Это как шмотки от Versace. Девочки из захудалой провинции их видят только по телевизору. Так и я, наблюдаю за счастьем издалека, на расстоянии, зная, что оно никогда не попадет в мои руки.

Спустя минут пятнадцать Демид останавливает машину у новой многоэтажки, мы поднимаемся на восьмой этаж. Квартира двухкомнатная, но просторная.

– Проходи. Чай, кофе, коньяк, виски?

– Кофе, – отвечаю, окидывая его взглядом. Симпатичный, даже больше – красивый. Помужски красивый, хотя с небольшим налетом глянца, но ему идет.

– Окей, душ там, – Демид указывает на дверь и скрывается в глубине квартиры.

Я закалываю волосы и захожу в просторную душевую кабину. Приняв душ, надеваю нижнее белье и оборачиваюсь висевшим на крючке полотенцем. Выйдя из ванной комнаты, иду на доносившейся, по-видимому, из кухни звук. Когда я вошла, Демид разливал по чашкам только что сварившийся кофе. Кивнув на стул, закурил и поставил на стол ароматный напиток.

– Спасибо, – произнесла, подавляя отчего-то возникшее смущение под его взглядом. Стянула заклепку с волос, глупо, но с распущенными чувствую себя уверенней.

– На здоровье, – он сделал глубокую затяжку, не отводя от меня взгляда, выпустил дым в сторону приоткрытого окна. – Сходи, смой косметику с лица.

– Желание клиента для нас закон, – криво улыбнулась, сделав глоток горячего напитка, и направилась снова в ванную. Вернувшись, села на прежнее место. – Так лучше?

– Намного. Разительный контраст, – Демид уже допил свой кофе и терпеливо дожидался меня. Я поспешила закончить с напитком и сделала несколько глотков. – Не торопись, пей спокойно.

– Я уже допила, спасибо.

– Пошли, – мы проходим в просторную комнату, Демид настраивает подсветку на потолке, создавая полумрак. Пару раз щелкает пультом и комнату наполняет приятная мелодия. – Станцуй для меня что-нибудь не сильно напряжное.

Он садится в кресло, стоящее у окна, а я, скинув полотенце, начинаю двигаться, подстраиваясь под мелодию, наблюдая, как Демид расстегнув свою рубашку, следит за каждым моим движением. Подхожу ближе, провожу рукой по его плечу. Он перехватывает мою руку и усаживает к себе на колени в позе наездницы. Двигаю бедрами в такт музыке, чувствуя, как возрастает его возбуждение. Он касается моей спины, расстегивает бюстгальтер и отбрасывает его в сторону, проводит по груди, накрывая её ладонями и немного сжимая. Не понимаю почему, но именно в этот момент во мне просыпается паника. Хочется просто убежать отсюда. Давлю в себе это чувство ничем не обоснованное. Всё, что происходит, без неприятных сюрпризов, и Демид не позволяет пока себе жестокости, но беспокойство нарастает. Он помогает мне встать, а сам скидывает рубашку и брюки. Взяв меня за руку, подводит к кровати, ложится, предлагая устроиться сверху. Делаю, как он хочет, снова двигаю бедрами, имитируя секс, дразня, возбуждая его. Его руки скользят по моему телу, ласкают грудь, пощипывая соски, и это ещё

больше заставляет меня нервничать. Обычно клиенты опускают прелюдию, переходя сразу к главному. Но этот нет. Он переворачивает меня на спину, нависая сверху, и стягивает трусики, скользя ладонью между моих ног.

– Сухая.

– В сумочке есть лубрикант.

– Ну, я ещё в состоянии возбудить женщину.

– С ним будет легче.

– Я за классику, – с этими словами он, наклонившись, поймал губами сосок, выбивая из меня стон, то ли от неожиданности, то ли от возникших ощущений. Имитация удовольствия, конечно, наше всё, но сейчас мне было на самом деле приятно, и это пугало, заставляя напрячься.

– Расслабься, – он поглаживал клитор, продолжая терзать мою грудь. От внезапно возникших спазмов внизу живота я вся внутренне сжалась и вцепилась пальцами в простынь, продолжая постанывать, сама уже не понимая, имитируя или нет.

– Демид, достаточно, – я попыталась перенять инициативу, скользнув рукой под резинку его боксеров, только бы он перестал это делать. Но он отодвинул в сторону мою руку.

– Расслабься, сама себе хуже делаешь.

– Я расслаблена, – произнесла на выдохе, так как его пальцы скользнули внутрь.

– Нет, – сказал, как отрезал. С таким спорить себе дороже, поэтому я действительно попыталась максимально расслабиться, а через минуту через всё тело прошла сладкая судорога, выбивая воздух из легких, заставляя застыть в немом вскрике, выгибая дугой спину от невозможных ощущений. Перед глазами, словно всё помутнело, я даже не заметила, как впилась в его руку ногтями.

– Ну и нахрена нам смазка? – голос Демида заставил меня немного прийти в себя. Я потянулась к нему, спуская его боксеры. Он отбросил их в сторону, переворачиваясь на спину, а я, наклонившись, провела языком по головке, медленно вбирая его в рот. Он остановил меня, как только появилась первая солоноватая капля и, надев презерватив, поставил в позицию doggy style. От происходящего голова шла кругом, паника накрывала, хотелось скорее закончить и сбежать отсюда.

– Расслабься, – рыкнул Демид, входя в меня.

Его ладони скользили по моей спине, не хватили за волосы, не сжимались вокруг горла, а почти нежно поглаживали, и меня разрывало от эмоций. Оргазм был намного тише, чем предыдущий, но пробирающий до пальцев ног. Второй оргазм в моей жизни, теперь хоть буду знать, на чём все так повернуты. Сделав пару толчков, Демид кончил, сжав пальцами до боли мое плечо, и упал на подушки, приводя дыхание в норму. Я, поднявшись с кровати, подхватила брошенное до этого полотенце.

– Я могу ополоснуться в душе?

– Конечно.

Скрывшись от него в ванной, едва сумела унять нервную дрожь. Вот угораздило же меня. Что за дурацкая ночь. Обычно всё быстрее, проще, без лишнего и прелюдий, а тут, как наизнанку вывернул. Быстро ополоснувшись под теплыми струями воды, я обернулась полотенцем и пошла на поиски своего белья. Уже одевшись, прошла по коридору в поисках хозяина квартиры. Нашла его на кухне, он курил и что-то смотрел в телефоне. Две чашки кофе снова стояли на столе.

– Куда повесить? – спрашиваю, показывая влажное полотенце. Но он не реагирует, и я, подождав пару секунд, решаю просто развесить махровую ткань на спинке стула.

– Сколько раз ты подвергалась насилию? – неожиданно произносит Демид. Замираю на месте с полотенцем в руках. Чувствую, как кровь отливает от лица. Он оборачивается, сверля

меня взглядом и ожидая ответа. Делаю глубокий вдох, беря себя в руки, и наконец, вешаю чертовое полотенце.

– Ты вызвал такси? – спрашиваю, отпивая кофе из чашки, что стояла для меня на столе, словно не слышала вопроса.

– Не хочешь отвечать?

– Не хочу.

– Значит, не раз, – произносит, делая затяжку и выпуская дым, не сводя с меня взгляда.

– Тебе какое дело? Заделался коллекционером человеческих душ? Или секс не устроил? Если второе, то можешь не платить, – на смену растерянности приходит злость. Я уже готова уйти без денег, лишь бы быстрее.

– Я не раз по работе сталкивался с жертвами изнасилования и прекрасно знаю психологию и рефлексию подобных травм. В тебе их несложно рассмотреть.

– И что? Мне теперь разрыдаться и рассказать слезливую историю?

– Многие после случившегося в психушке оказывались.

– Как видишь, не свихнулась. Времени для этого не было, надо было деньги зарабатывать, кушать очень хотелось, – он ничего не отвечает, лишь отпивает из кружки кофе и так же пристально смотрит. – Я могу идти?

– Да, деньги на тумбочке возле сумки, – бросает в ответ, возвращая своё внимание к телефону, а я прохожу в коридор, одеваюсь и пересчитываю купюры.

– Демид, тут много, – сумма была больше в два раза, чем при обычном заказе. Он выходит из кухни и останавливается, прислоняясь плечом к стене.

– Всё твоё. Такси ждет внизу. Хонда 557.

– Спасибо, – отвечаю, обуваясь. Прихватив сумочку, выхожу из квартиры, слыша за спиной шелчок дверного замка.

Глава 4

Вижу, как Виктория выходит из подъезда и садится в машину, такси отъезжает. Отпиваю из чашки ещё горячий кофе, мучаясь вопросом, что же с этой девушкой не так.

Я далеко не святой, пользовался в своей жизни пару раз услугами «жриц любви». Да и когда в органах работал, повидал много ночных бабочек, привозили их десятками после очередного рейда, поэтому мне было с чем сравнить. Практически каждая была готова тут же рассказать свою историю, приукрасив её и пустив слезу для большего эффекта, чтобы пожалели, заплатили больше или отпустили. Каждая из них только бы поблагодарила за накинутую сверху сумму, не спрашивая ничего. Большинство не побрезговали бы ещё и обчистить карманы клиента. Девушки, занимающиеся таким ремеслом, зачастую промышляют и воровством. Берут не только деньги, но и часы, телефоны, запонки, цепочки. Всё, что можно снять, пока клиент спит, чтобы потом заложить в ближайшем ломбарде. Но с этой было явно что-то не то. Ощетинилась вся, стоило только спросить про личное. Хотя её реакции было достаточно, чтобы подтвердить предположение. Насилие было, и скорее всего не единожды. Это, конечно, не удивительно с такой-то профессией, но всё равно что-то не сходилось. Слишком дерзкая, отстраненная, не единой попытки понравиться или заболтать, чтобы продлить время и получить больше. Пока она принимала душ, заглянул в её паспорт. Карецкая Виктория Валентиновна, 23 года, прописка местная. В паспорт была вложена медицинская справка, о том, что заболеваний нет. Значит, за здоровьем следит. Хм...

Странно, но какая-то уличная девка меня серьезно озадачила... С чего бы? Который раз прихожу к тому, что мне необходим отдых. Мозг уже настолько привык к рабочему режиму, что цепляется за всё подряд. Какого хрена я вообще сейчас гадаю, что с этой девкой не так? Это не мои проблемы. Надо было всё же её в гостиницу отвезти, но я настолько устал, что выбирать более-менее подходящее заведение и снимать номер, было просто лень.

Прошло две недели с той странной ночи, а она всё не выходила из моей головы. Тогда приехав домой, я отчаянно гнала от себя все мысли, старалась не заикливаться на произошедшем, на нашем странном разговоре и его словах.

Денег в этом месяце хватило, чтобы оплатить все счета. Я вышла из банка и в кармане осталась сумма, которой лишь хватит на банку кофе, булку хлеба и такси до работы. Но, если я успею на последний трамвай, то смогу купить пачку сигарет. Прикинув все варианты, отправилась в магазин. Подойдя к дому, пожалела, что мелочи не хватило на корм для Баси. Кошка выглянула из своего укрытия и, увидев знакомое лицо, побежала мне на встречу.

– Ты прости меня, моя хорошая, но у меня есть только хлеб сегодня. Будешь? – кошка ластилась и мурлыкала, пока я отламывала краюшку хлеба. Видимо, Бася была настолько голодная, что и хлеб ей пришелся в радость. Оторвав ещё кусок для кошки, оставила рядом с ней и пошла домой. Поужинав легким куриным бульоном и отварным картофелем, я по привычке расположилась у форточки с кружкой кофе и сигаретой. Уже второй день порошил снег и тут же таял. Мерзкая погода, пробирающая до костей холодным ветром и влажным воздухом. Точно в такую же слякоть мы хоронили маму. Тоже шёл снег, мокрая кладбищенская земля комьями прилипала к обуви, а пальцы не сгибались от холода. Пять лет прошло, а помню всё до мелочей.... Тогда ещё у меня был отец, опора и надежда на то, что всё наладиться, но через полгода и его не стало. Затянувшись сильнее сигаретой, заглушая ею проснувшуюся боль, я выдохнула никотиновый дым в приоткрытую форточку и убрала эти воспоминания в дальний угол своей памяти, продолжая отрешенно следить за белыми снежинками, неторопливо падающими на мокрую землю.

Ненавистная погода испортила все планы. Я опоздал на место, куда должен был приехать объект, так как на дороге каша из грязи и снега. Плюс ко всему, к вечеру температура воздуха понизилась, превращая все дороги в ледовый каток, машины еле плелись друг за другом. Выругавшись, набрал номер Генки и обрисовал создавшуюся ситуацию. Он обещался подключиться и помочь. На следующей неделе сдавать результат работы, а у нас по нулям. Халтура, мать её. Отбросил в сторону телефон и отправился в «Эру».

– Привет, Кирюш! Что у тебя случилось? – спросил я, обращаясь к Орловой. Она позволила сегодня в обед и попросила подъехать.

– Привет! Дём, Артём уехал на объект по просьбе Игоря, а у нас выступление в клубе диджея из столицы и нужна хорошая охрана, людей вообще не хватает. Уже звонила в охранное агентство, которое обслуживает ресторан и кафе, но они лишь два человека готовы дать, да и то по двойному тарифу. Может, у тебя кто из парней имеет лицензию, или знакомые есть? Нам на один вечер.

– Дай пораскину мозгами, – набрал Романыча, тот быстро переговорил со всеми парнями. – Кир, сколько людей надо?

– Восемь, а лучше десять. Завтра с полночи до четырех утра.

– Будут тебе охранники. Все с лицензией и даже с разрешением на оружие. Всё, как надо.

– Дёма-а, ты прелесть, – Кира поцеловала меня в щеку, и мы вышли в зал.

– Заеду завтра ещё, проверю, всё ли в порядке. Артём когда возвращается?

– Обещал завтра к обеду. Но на дорогах такой кошмар, что я сомневаюсь, что ему удастся приехать вовремя, – в этот момент подошла Ира и отвлекла Киру. – Дём, я пойду с кухней разобраться надо.

– Конечно, где выход я знаю, не волнуйся, – улыбнулся Кире.

– Спасибо ещё раз, – Кира скрылась за дверью вместе с Ирой, а уже был готов направиться к выходу, когда на одном из помостов у сцены заметил Викторию. Она виртуозно выполняла движения, видимо, заменяя одну из девчонок go-go. Черная маечка, черные трусики, и черные туфли на высоченном каблуке. Вот и вся одежда, что на ней была, но впечатляло не это, а то, как она двигалась. Движения завораживали, заставляли оставаться на месте и смотреть до конца. Спустя несколько минут Викторию и ее напарницу сменила вторая пара девчонок. Вика спустилась со сцены, а я только сейчас заметил, что девушка прихрамывала. Она подошла к бару, и Миша подал ей стакан воды и какую-то таблетку.

– Я надеюсь, это легальный препарат, – произнес, подойдя ближе.

– Демид Альбертович, обижают, обычное обезболивающее, сам в аптеку бегал, – Миша показал упаковку и занялся подошедшим клиентом.

– Что с ногой?

– Связки потянула вчера, – произнесла Вика, отпивая из стакана воду.

– Ты закончила? – она обернулась, посмотрев на меня уставшим взглядом.

– Не сегодня, Демид.

– Я ничего не предлагал ещё, просто хотел подвести до дома, – в её глазах промелькнула тень недоверия.

– Если тебе по пути, то не откажусь, – произнесла, отведя в сторону взгляд.

– По пути.

– Даже адрес не спросишь? Ах да, глупость сморозила. Ты его уже знаешь, – она приподняла бровь.

– Иди, собирайся. Жду у черного входа, в машине.

Он снова это делал. Этот мужчина снова наводил в моей душе хаос одним своим появлением и парой слов, заставляя искать в его поступках скрытый подвох. Но странность была в том, что я его не находила. То, что он проверил мой паспорт, я уже поняла в предыдущую нашу

встречу. Таксист знал куда ехать, было не трудно сложить дважды два. Сейчас переодеваясь, я обдумывала, почему согласилась на его предложение подвезти. Если бы не боль в ноге, и экономия, то я бы, наверное, отказалась и вызвала такси. Надев пуховик, я взяла свою сумку и вышла из «Эры». Черная БМВ уже стояла у дверей, я села в машину, внутренне ожидая грязных предложений, но ничего не последовало. Демид просто включил музыку и выехал с парковки. Мы молчали. Я изредка посматривала в его сторону, отмечая, как минимум трехдневную щетину на лице, которой не было в прошлый раз, и небольшие мимические морщинки у глаз. Такие бывают у людей, которые часто улыбаются.

– Все рассмотрела или мне повернуться? – ухмыляясь, произнес Демид, вырывая меня из своих мыслей.

– Прости, – отвела в сторону взгляд, замечая, что мы уже почти подъехали к моему дому. – Спасибо, что подвез.

– На здоровье. Сделай теплый компресс на ногу и наложи тугую повязку на ночь. Утром станет легче.

– Спасибо, – произнесла, удивленно взглянув на Демида. Я вышла из машины и направилась к подъезду.

– Ну, что сука, тебя предупреждали, что платить надо вовремя! – это было первое, что я услышала, войдя в подъезд. Мужчина прижал меня к грязной стене, выбивая вскрик, который тут же заглушил своей ладонью и приставил к горлу небольшой нож. – Деньги где? – он убрал руку, чтобы услышать ответ.

– Я всё перевела. Это не от меня зависит, от банка. Они придут в течение двадцати четырех часов.

– Если завтра бабла не будет...

– Нож опустил, – неожиданно раздался голос Демида, и он показался за спиной моего обидчика, приставляя к его голове пистолет. А я перестала дышать.

Смотрю, как Вика заходит в подъезд. К слову сказать, эти подъезды похожи на норы хоббитов, честное слово. Дом настолько осел, что вход стал ниже уровня земли. На сто процентов уверен, что внизу стоит вода и жителями постелены деревянные помосты. А зимой первый этаж от влажности напоминает пещеру со сталактитами. Не успел я повернуть ключ в зажигании, как в ночной тишине отчетливо слышится вскрик и возня из этой самой «норы». Раздумывая ровно секунду вмешаться или нет. Черт! Любопытство и инстинкты полицейского, выработанные за время работы, перевешивают желание убраться отсюда, и я выхожу из машины, доставая по пути пистолет. Спускаюсь вниз по деревянным ступеням и слева вижу мужика в черной шапке, который прижимает нож к горлу испуганной Вики.

– Нож опустил, – произношу, поднимая пистолет. Мужик замирает на месте, оценивая ситуацию, а потом резко дергается, толчком сбивая меня в сторону, и бросается к выходу.

– Карецкая, – убираю пистолет в кобуру, – с каждой нашей встречей у меня всё больше и больше к тебе вопросов. Наверное, пора тебе на них ответить.

– Спасибо за помощь, – произносит охрипшим от страха голосом, делает пару глубоких вдохов и отталкивается от стены собираясь уйти.

– Ты как?

– Нормально. Всё нормально.

– Ты куда?

– Домой.

– Давай провожу, а то мало ли, вдруг и в квартире тебя кто-нибудь ждет.

– Не ждет.

– Как понимаю, ты знаешь, кто это был?

– Знаю.

– И?

– Демид, спасибо, конечно, что спас меня, но...

– Но это уже второй раз, и я требую объяснений.

– Черт... – она выругивается, поднимаясь на третий этаж, и достает из кармана ключи, открывая деревянную дверь, сильно обожженную снизу. – Это был коллектор. Всё? Любопытство удовлетворенно?

– Нет. Ты что, займ за десять минут взяла на остановке и договор не прочитала? – я прохожу вслед за ней в квартиру и, окидывая взглядом убранство, немножко зависаю. Обоим времен моей бабушки, мебель аля «привет из СССР», домотканые половики в коридоре. Будто на тридцать лет назад вернулся. Но не могу не отметить, что несмотря на обстановку, всё довольно чисто и убрано. Даже тюль, выдавшая, как минимум, Брежнева, чистая и отглаженная висит на деревянных гардинах.

– Что-то типа того, – отвечает Вика, снимая обувь и пуховик.

– Хм, теперь вопросов ещё больше, – я разуваясь и прохожу за ней на кухню, на которой бросается в глаза старая плита, наверное, ещё с довоенным чайником и кран, из которого беспрестанно капает вода, отбивая надоедливый ритм об эмалированную раковину. – Орлов на зарплате для работников экономит? – Я сажусь на деревянный табурет, который под моим весом жалобно поскрипывает.

– Артём хорошо платит и всегда вовремя, – она говорит это, повернувшись ко мне спиной и набирая воду в чайник. Вижу, как Вика подкладывает тряпку в раковину, заглушая этим стук капель, и отходит к плите. Я уже готов задать следующий вопрос, как раздается настойчивый стук в дверь, и Вика быстро выходит из кухни.

– Дядя Витя, ну зачем так стучать?

– Вик, Викусь, дай на опохмел, а? Эта жаба, – явно уже вдаренный мужик, покачиваясь, кивает на квартиру напротив, – не даёт.... Даже полста не дает. Вик, ну ты ж не она, я ж тебя вот такую, – он показывает полметра от пола, – ещё помню.

– Дядь Вить, сейчас, подожди, – Вика роется в сумочке и, достав сто рублей, протягивает мужику. – Вот, хватит?

– Дай тебе Бог здоровья! Широкой души ты человек, – он чуть ли не кланяется в благодарности, а Виктория просто захлопывает дверь.

– Ну и контингент, – само срывается у меня с языка.

– Как на подбор, Демид Альбертович, алкаши, торчки и проститутки, – со злостью произносит Вика, возвращаясь на кухню. – Так что, советую не светить тут дорогой тачкой, а то без колес останетесь.

– У тебя есть у кого сегодня переночевать?

– Зачем?

– Коллекторы не приходят один раз.

– Да ладно? А то я не знаю.

– Вик, я серьёзно.

– Не волнуйся, уже через восемнадцать часов им на счёт упадёт переведенная сумма, и они не посетят меня, как минимум, ещё месяц. Так что, всё в порядке! И вообще, какое тебе дело? Что ты привязался ко мне?

– Если тебя сегодня прирежут в этой квартире, то последним, кто тебя видел, окажусь я. Да ещё и свидетель есть, сосед-алкаш. Не будь душой. Переночуй сегодня у подружки или у родственников.

– У меня нет ни подруг, ни родственников, – она устало выдыхает. – Демид... пожалуйста, оставь меня в покое. Я устала, у меня болит нога. Я хочу выпить горячего чая и лечь спать, – произносит спокойно и тихо.

– Собирайся.

– Куда?

– Ко мне.

– Я не поеду.

– Тогда поедешь в ближайшее отделение. Мне будет нетрудно договориться, чтобы тебя поддержали ближайшие восемнадцать часов в обезьяннике. Всё лучше, чем тут, и безопасней. Может, там ты будешь более разговорчивой.

– Ты не отстанешь?

– Нет. И ты мне ещё за спасение должна.

– Ясно... – она снова устало выдыхает и, отключив плиту, направляется в комнату, открыв старый сервант, достает комплект белья, сменную одежду. Всё укладывает в пакет. По пути заглядывает в ванную, зубная паста и щётка присоединяются к вещам.

Какое ему дело до меня? Прицепился, словно банный лист к заднице. Помог? Молодец! Возьми с полки пирожок и отвали! Так нет же. Спаситель хренов. Я хватаю первый попавшийся пакет и запихиваю в него лосины с футболкой и сменное белье.

– Я готова, – произношу, а саму просто трясёт от злости. Уверенна на сто процентов, что, если бы я сейчас не собралась, он бы силком меня запихал в машину, и не факт, что не отвез бы в отделение, как пообещал. Благодарственного секса захотел? Хорошо, только после него я уйду. Мы выходим из квартиры и спускаемся вниз. Демид открывает передо мной дверь машины, и садиться за руль.

Оказавшись в квартире Демиды, я принимаю душ и переодеваюсь в домашние лосины и футболку.

– Приложи к ноге, – он протягивает мне уже готовую грелку и разливает по чашкам кофе. – Есть будешь?

– От пары бутербродов не откажусь, – мы ужинаем и идём в комнату. Боль в ноге и, правда, приутихла.

– Я хочу знать всё, – произношу, открывая бутылку виски. – От места твоего рождения до причины твоего преследования коллекторами.

– Зачем тебе эта информация? Какой в этом смысл? – она произносит это, выделяя каждое слово. Опять упрямится, это надоедает.

– Считай, что это мое излишнее любопытство. И твоя плата за помощь.

– Обычно, в качестве платы просят другого, – прищуривается, отслеживая мою реакцию. Сейчас без косметики на лице видны темные круги под её глазами. Она и правда очень устала.

– Ну, зато я оригинален.

– Мог сам всё узнать, раз интересно. Возможности, думаю, позволяют.

– Зачем я буду напрягать зазря людей, когда могу всё узнать из первых уст?

– С тобой сложно, – закатывает глаза, качая головой.

– Как и с тобой, – она усмехнулась.

– Можно мне тоже бокал? – я плеснул в стакан виски и, бросив два кусочка льда, протянул Вике. Она взяла бокал и расположилась на полу напротив кресла, по-турецки сложив ноги. – С чего начать? – спрашивает как-то равнодушно, видимо, смирившись с тем, что я не отстану.

– С начала, – улыбаюсь, пригубив напиток.

– Карецкая Виктория Валентиновна, 23 года, родилась и выросла тут, родственников нет. Мама умерла пять лет назад, а отец четыре с половиной года. Оба были детдомовскими, поэтому родни я не имею, – она замолчала и сделала глоток виски. – Мама заболела, когда мне было пятнадцать. Сначала лечение давало неплохие результаты. После курса химиотерапии полгода нам с отцом казалось, что её болезнь в прошлом, но потом случился рецидив, и снова

клиники, белые коридоры, дорожные лекарства и процедуры. Мы жили небогато. Мама работала продавцом в продуктовом, а отец... отец был форточником, – она перевела на меня взгляд, оценивая эффект от сказанных слов. – Он старался, как мог, но всё было зря. Она умерла, оставив после себя лишь огромные суммы долгов за лечение. Насколько они были большие и под какой процент взяты, я узнала уже гораздо позднее. Ещё через полгода умер отец, просто не проснулся. Врачи сказали, что отказало сердце. Вот так я и осталась одна в семнадцать лет.

– Что было потом?

– Потом... – она снова отвела в сторону взгляд, – через месяц мне исполнилось восемнадцать, а спустя еще два месяца начался ад... Оказалось, что помимо долга в клинике, отец набрал кредитов в трёх банках, и ещё занимал на похороны у своих дружков. Как понимаешь, единственным человеком, с кого начали трясти долги, была я. Один из банков передал долг коллекторам, и разбитые стекла, и подожжённая дверь – были самыми ласковыми из предупреждений. Я тогда только окончила школу и устроилась в магазин продавцом, а в соседнем подрабатывала уборщицей, чтобы хотя бы с долгами за коммунальные услуги рассчитаться. В один из дней ко мне в дверь постучало трое мужчин. Одного я знала. Дядя Сергей, он был другом моего отца, ... так я тогда считала. Не буду вдаваться в подробности, посыл был четким и понятным. Отец не поделился деньгами с последнего дела, а они хотели получить свою долю и возврат долга. Иначе, ... я бы обслужила каждого из их компании задаром и не один раз. На их языке это звучало, как «пустить по кругу». Заманчивая перспектива, да? Особенно для восемнадцатилетней девственницы, которая даже с парнем-то ни разу не целовалась, – Вика ухмыльнулась, горько покривив губы, и пригубила виски. – Перерыв все вещи родителей и проверив каждый угол в квартире, нашла заначку отца в вентиляции. Там и была та сумма, о которой говорил дядя Сергей. Но чтобы оплатить долг, денег у меня не было. Той же ночью коллекторы впервые подожгли дверь квартиры, и если бы не сосед, который вышел среди ночи в гараж за бутылкой самогона, то, может быть, в живых меня уже и не было. Он всё потушил и разбудил меня. Ты его видел сегодня, дядя Витя. Я просидела на лавочке возле дома остаток ночи, боясь оставаться в квартире. Плакала, тряслась от страха и не знала, что делать. Там меня и встретила Жанна – местная проститутка. Жила в доме напротив, весь двор знал, чем она занимается, она это и не скрывала. Жанна сначала успокоила меня, выслушала, а потом предложила заработать круглую сумму, причём за одну ночь. Названной суммы хватило бы не только, чтобы погасить коммунальные долги, рассчитаться с дядей Сергеем, но и внести платежи, по всем кредитам, включая долг в клинике. Всего-то надо было переспать с одним мужиком, – она сделала пару глотков виски и, взглянув мне в глаза, продолжила. – Фетиш у дяди был, девочек нетронутых любил до одури.

– И ты согласилась?

– Очередной визит служителей банка помог. Нож, приставленный к горлу, позволяет быстро принять правильное решение. Знаешь, Жанна не обманула. Всё было так, как она и сказала, за исключением того, что он не отпустил меня сразу, – она сделала паузу, словно подбирала слова. – Он брал меня всю ночь, раз за разом, накачивая вином, чтобы не сильно сопротивлялась. Отпустил только утром... Жанка забрала меня, помогла вымыться, пересчитала деньги, мужик этот расщедрился и накинул пару тысяч сверху. Она взяла себе лишь пять процентов за сводничество. Остальное оставила мне. Проспала я почти сутки, а проснулась от настойчивого стука в дверь, это был Сергей. Я рассчиталась с ним, отдав долю, что зажал отец и долг. И знаешь, что он мне сказал? Что если мне понадобится помощь, я могу к нему обращаться, – она нервно рассмеялась и замолчала, покручивая почти опустевший бокал.

– Вик, – я нарушил тишину.

– Что?

– Дальше.

– Прости, задумалась. Дальше,...а дальше нет ничего интересного. Я просто хотела сдохнуть, и сдохла бы, если бы дали, но бесконечные звонки и требование оплатить долги как-то отвлекали. Я распродала всё, что можно было, оставив себе лишь необходимый минимум. Оплатила коммуналку, внесла платежи по кредитам, попутно оббивая пороги банков с просьбой снизить процентную ставку, и начала искать работу. Но кому нужна восемнадцатилетняя девчонка без опыта? Мой потолок, на тот момент, это должность официантки или продавца, на зарплату которых я даже не могла оплачивать пару кредитов в месяц. До болезни мамы я занималась танцами: джаз, бальные, поэтому решила рискнуть и попробовать устроиться в ночной клуб. Жанка как-то обмолвилась, что если хозяин хороший, то и платят там прилично. Но и тут не было всё просто. Мне отказали во всех клубах нашего города. Профнепригодна, специализация не та. Примерно с такими формулировками я получала очередной отказ. Только в «Эре» чудом получила место, да и то с испытательным сроком и условием, что я разучу за это время основы стрип пластики. Не знаю, что Артём во мне увидел, может, просто пожалел. Выглядела я тогда довольно удручающе.

Пока я искала работу, прошёл месяц, и снова начались звонки и визиты коллекторов. Выход был лишь один, и я решилась, терять было всё равно уже нечего. Встала у дороги неподалеку от более опытных девчонок. А через пару ночей мне начали угрожать. Я – маленькая и неопытная дурочка, не знала, что подобные места в городе поделены между собой особыми фирмами. Либо ты присоединяешься к одной из них и платишь процент, либо жди неприятностей. Индивидуалок не любят. Я каждую ночь меняла места, и мне казалось, что их угрозы больше меня не коснутся, но я ошиблась. В одну из ночей я нарвалась на подставных клиентов... – Вика снова замолчала и попросила наполнить её бокал. Я подлил виски и снова сел в кресло. – Спустя три месяца я всё реже выходила на поиски клиентов. Работа в клубе приносила всё больше, и это меня радовало, а последние три года и вовсе предпочитаю использовать этот метод получения денег только в крайнем случае. Всё. Конец истории.

– Сколько ещё платить?

– Ещё пять лет, но уже стало легче. Я закрыла самый маленький из кредитов, а на остальные удалось получить снижение ставки на полтора процента.

– Ты опустила некоторые моменты.

– Зачем о них говорить, если и так всё понятно? Моя история ничем не примечательная. Не понимаю, почему тебя она заинтересовала. На работе не наслушался?

– Я уже давно не работаю в органах.

– Соскучился, значит. Ностальгия?

– Вик, почему мне кажется, что ты прячешься за своей дерзостью?

– Я думала, что рассказала достаточно, чтобы ты перестал колупаться в моей душе.

Глава 5

– Напрягают вопросы о личном?

– Напрягают. Я вообще не понимаю, зачем ты меня к себе притащил. Вдруг я тебе квартиру обнесу?

– Надо быть полной идиоткой, чтобы обнести квартиру хоть и бывшего, но следака, – произносит Демид самоуверенно.

– Судя по визиткам, лежащим на тумбочке в прихожей, бывших всё-таки не бывает, Титов Демид Альбертович, директор частного детективного агентства «Вектор», – отвечаю, улыбаясь.

– А ты наблюдательная.

– Есть немного, не совсем дура.

Демид ухмыляется моим словам, откидывается на спинку кресла, отпивая виски из своего бокала, о чем-то задумавшись. Я не нарушаю тишину, просто сижу всё также на полу, допивая свой напиток.

– Поздно уже, пошли спать, – произносит он, зевнув, и встает с кресла. – Где спальня ты знаешь, я лягу на диване.

– Не стоит. Не хочу тебя стеснять. Давай, я на диване. Мне всё равно не привыкать, а у тебя спина от него заболит, – Демид прищурился и как-то странно на меня посмотрел.

– Иди в кровать, Вик, – таким тоном произнес, что и возражать не захотелось. – В тумбочке рядом с кроватью есть мазь, нанеси на ногу, – он поворачивается ко мне спиной, стягивая с себя футболку.

– Спасибо, – благодарю, а сама не могу отвести взгляда от представшей передо мной картины: красивый, сильный, заботливый мужчина... Мечта наяву, повезёт же его избраннице.

– На здоровье, – бросает мне через плечо, доставая из встроенного шкафа комплект постельного белья. Безэмоционально и сухо, но мне всё равно хочется его обнять, поблагодарить за эту малую толику заботы. Пусть вот такой, но заботы. Понимаю, что для него, как и для многих остальных людей, посоветовать приложить компресс или дать мазь – ничего не значащая любезность, а для меня это что-то необычное, теплое, за что хочется говорить «спасибо» не переставая. Давлю в себе желание подойти к нему ближе и покорно иду в комнату.

Мне стало легче... Глупо, не логично, но мне стало легче. Я рассказала ему почти всё, и словно какой-то груз с души свалился. Возможно, поступила по-дурацки. Он – совершенно чужой мне человек, никто, но в нём было что-то, что заставляло испытывать к нему доверие, а для меня это на грани фантастики. За все эти годы Орлов был единственным, кто вызывал подобие таких чувств, но и он не знал всего. А тут накрыло настолько, что выложила Демиду всю подноготную, подала на блюдецке с голубой каемочкой, разве что сахаром не посыпала. Может он испробовал на мне какие-то свои ментовские штучки. Умеют же работники правоохранительных органов разговорить человека.... Но даже если это и так, мне наплевать.... Все эти года я молчала, мне не с кем было поделиться. После того, как умер отец, девочка, с которой я дружила и считала своей лучшей подругой, узнала кем и где я работаю. Возможно, от своего старшего брата или от кого-то ещё во дворе, не так важно, откуда, но именно она разнесла эту информацию всем нашим общим знакомым, и меня стали обходить за версту, а встретив на улице проходить мимо, отвернув в сторону голову. Сначала было обидно и больно, но со временем привыкла, как привыкла ко многому дерьму, творившемуся в своей жизни. Просто так же отворачивалась и делала вид, что не знаю этих людей. Даже прощать научилась их осуждающие взгляды и их шептания в след. Простить, забыть и идти дальше по своим делам. Тяжелее было, когда кто-то из них встречался в клубе.... Тогда приходилось играть роль одного актера, прикидываться: «Извините, вы обознались». Я никогда не пыталась сблизиться с девчонками

на работе. Мне была чужда увлеченность Гали и Лики алкоголем, потому что я видела, чем это заканчивается. Наглядным примером была каждая вторая квартира в моём доме. Мне было страшно за Катьку, которая подсела на кокс, и Артём её тут же выпроводил на улицу. Сейчас тем же увлеклась Карина. Я смотрела и понимала боль каждой из них. Понимала, где болит и насколько сильно, но унять эту боль я была не в силах, потому что даже со своей справиться не могла, поэтому и смысла в сближении не видела. Зачем набиваться в подружки, если разделить с ними их проблемы я не могла, как и их увлечения не имела желания делить. Одной легче, если и болит, то только за себя, и пока я с этим ещё могу справиться...

Вика ушла в спальню, а я, расстелив себе постель на диване, накинул куртку и вышел на балкон. Закурил, задумавшись о том, что почему-то верил словам этой девушки. Почему? Сам не до конца понимал. Всё, что говорят проститутки, надо было делить, как минимум, на два. Сколько я подобных историй слышал? И каждая, кто их рассказывал, преувеличивала, при-
вирала, добавляла несуществующих детей, больных родителей и бабушек. Они все давили на жалость, не гнушаясь ничем. Даже говорили, что родители умерли, хотя оказывалось, что они живы и даже не знали о занятии дочери. Но я быстро научился отличать ложь от правды. Они начинали играть, как заправские актриски захудалого театра. Те, кто по-настоящему пошли на такой заработок по нужде, это двадцать пять процентов от всей массы, остальные же были дикой смесью разнообразных пороков, начиная от обыкновенной дурости, заканчивая бешенством матки. Кто не поступил в ВУЗ и не захотел возвращаться в свой поселок/деревню/село. Кому-то было мало секса с одним партнером, причём эти зачастую имели за плечами семью, мужа и детей. Были такие, кто приходили в эту индустрию за большими деньгами, но только единицам удавалось заработать на ту же квартиру. Основная масса быстро сдавалась, ломалась и скатывалась на дно, до наркоты и алкоголизма. Ещё были такие, кто не считал свою профессию чем-то позорным, они осознанно пришли к этому и считали, зачем горбатиться месяц в том же супермаркете кассиром за двадцать пять тысяч рублей по двенадцать часов, когда она за ночь может поднять такую же сумму. Были и такие, кто пытался таким способом найти себе мужа. Вообще, если копаться в этом контингенте, можно было найти много «интересных» индивидов. Но в Вике на протяжении всего её рассказа не было ни грамма игры, не было показушности, не было жалости к себе. Только злая ирония, неожиданная для меня насмешка над собой... Бл*ть, то ли моя чуйка уснула, то ли она ох**нная актриса. Затушив в пепельнице докуренную до фильтра сигарету, вернулся в квартиру, скинув куртку, прошёл на кухню. Часы показывали уже пять утра, плеснул в кружку чай и написал сообщение давнему знакомому, который всё ещё работал в органах.

«Спишь?»

«Нет, на дежурстве» – почти сразу пришёл ответ от Марата. Прикрыв плотнее дверь, набрал его номер.

– Доброй ночи!

– Да уже доброго утра! – насмешливо поприветствовал тот.

– У меня к тебе небольшая просьба есть.

– Ну, звонить в пять утра, чтобы спросить, как у меня дела, ты бы явно не стал. Так что, слушаю.

– Пробей по базе одного человека. Карецкая Виктория Валентиновна 19** года рождения.

– Сейчас, повиси пару минут.

– Жду.

– Есть такая, – проговорил в трубку Марат спустя пару минут. – Привлекалась четыре года назад за проституцию, заплатила штраф, отпустили. Всё, на неё больше ничего нет. А вот на её отца информация интересней.

– Что там?

– Карецкий Валентин Егорович, бывший воспитанник первого детдома. Привлекался за кражу, причём не один раз. Сначала по малолетке, кошельки стрелял на улице да по автобусам, потом брали его на квартирных кражах. Но каждый раз выходил сухим, то заявление забирали потерпевшие, то переквалифицировали его из подозреваемых в свидетели. Короче, везучий был тип.

– Был?

– Да, умер четыре с половиной года назад, по медицинскому заключению инфаркт.

– А про жену его что-то есть?

– Нет ничего, только имя: Карецкая Марина Ивановна.

– Спасибо. Прости, что потревожил в такое время.

– Да ничего, сочтемся как-нибудь, – положив трубку, допил чай и направился в комнату.

Не удержался и приоткрыл дверь спальни. Вика спала, завернувшись в одеяло, и по-детски поджав к груди ноги. Психологи бы характеризовали такую позу во время сна, как попытку защититься от внешнего мира. Не человек, а сплошная загадка.... Закрыв дверь, лег на диван, понимая, что меня всё ещё терзает вопрос: врёт Карецкая или нет? Ведь если врёт, то мать может оказаться в полном здравии. Блин, тогда ещё больше вопросов возникает...

Глава 6

– И куда ты собралась? – спросил я, потирая глаза, обнаружив Вику в коридоре, явно собирающуюся уходить.

– Домой. Надо переодеться, и мне к пяти на работу сегодня.

– Ещё только двенадцать. Как понимаю, хотела уйти по-английски.

– Просто неудобно тебя ещё больше напрягать. Спасибо, что приютил.

– Завтракала? – спросил, проведя руками по волосам.

– Нет.

– Иди, приготовь, что-нибудь пожрать, а я пока умоюсь. Потом отвезу домой.

Приняв душ, пошёл на кухню, ожидая кофе и бутербродов, но был приятно удивлен: на сковородке уже готовились оладьи с аппетитной золотистой корочкой.

– У тебя в холодильнике молоко скисло. Чтобы совсем не пропало, решила оладьи приготовить. Не против? – как бы оправдываясь, проговорила она немного смущаясь.

– Обеими руками «за», пахнет вкусно.

После завтрака я отвез Вику домой, проверил на всякий случай её квартиру и отправился на работу. Всё утро меня не покидало странное чувство. Там, на кухне, когда она готовила оладьи, а я варил кофе, и после, когда мы завтракали, разговаривали ни о чем, впервые без вопросов и напряжения, я на какой-то момент забыл кто эта девушка, кем она является. Мне просто было с ней интересно и по-домашнему уютно. Странное для меня чувство, чуждое...

Стоило переступить порог офиса, как меня огорошил Романыч неприятной новостью. Звонил Алексей из второго нашего филиала, который находился в соседнем городе. У них возникли проблемы с клиентом, с крупным клиентом. Технически все моменты были оговорены и соблюдены, наша работа была выполнена, но клиент остался не доволен результатом. Надо ехать. Перезвонил Лёхе и, уточнив все моменты, начал собираться в дорогу, отдавая на ходу указания парням по текущим делам.

Я уже гнал по трассе, когда раздался звонок от отца. Вот уж точно день не задался. Включив громкую связь, принял вызов.

– Здравствуй, отец!

– Здравствуй! Могу поинтересоваться, чем ты занят?

– Работаю, – видимо, мой ответ не удовлетворил Альберта Илларионовича, и он лишь многозначительно хмыкнул.

– Балду пинаешь, как обычно.

– Что за пролетарские выражения звучат из ваших уст? Вы ли это? – иронично поинтересовался я.

– Скоморох. Я вот задаюсь вопросом с самого твоего рождения. Не подменили ли моего сына в роддоме?

– Так проверь. ДНК-тест – одно из чудес современной науки, сейчас доступно всем. Ты позвонил очередной раз сказать, что я позорю твою фамилию? Или по другому поводу?

– Матери позвони, а лучше заедь, волнуется.

– Меня не будет в городе недели две-три. Как приеду из командировки, так сразу загляну к ней в клинику.

– Какой заботливый сын, – снова с упреком прозвучало в трубке.

– У тебя всё, отец?

– Все, – этим он просто закончил разговор и сбросил вызов. Время идёт, а ни черта не меняется. Моего отца, видимо, ничего уже не заставит изменить мнение на мой счет. Что ж поделать, видимо, не зря существует поговорка, что в семье не без урода. В нашей семье «уродом» являлся я. Точнее, отщепенцем, как любил повторять отец. Не получил должного образо-

вания, прибил к плохой компании, упоминание Франца или Орлова в разговоре даже сейчас вызывало скрежет его зубов. Я никогда не подчинялся ему, игнорировал его указания, выбрасывал ненавистную мне скрипку в окно и требовал отдать меня на вольную борьбу. В итоге, он махнул на меня рукой и оставил заботу о моём воспитании на совесть матери. Мама спокойно выслушала меня и записала в секцию по моему выбору. Но отец, видимо, надеялся, что с возрастом моё бунтарство пройдёт, и я встану на «путь истинный». Чего не произошло, к его сожалению и моей радости. После окончания школы мой чересчур обеспокоенный родитель без вступительных экзаменов зачислил меня на факультет биологии университета, в котором он тогда работал, не спрашивая моего мнения на этот счёт. Я же ответил ему тем, что пошёл в военкомат и выразил желание отдать долг Родине. Был ли он зол на меня после этого? О, да! Разве что пар из ноздрей не шёл. Орал до выступившей на лбу вены, что я – неблагодарная свинья, опозорил семью и унизил отца перед всей кафедрой. Кричал долго, с чувством и полной отдачей, чуть ли не брызжа слюной. Мать его полтора часа успокоить не могла, даже после моего ухода. После армии я поступил тогда ещё в школу милиции, чем снова вызвал гнев интеллигентного Альберта Илларионовича, уже на тот момент защитившим докторскую диссертацию. Его слова я помню до сих пор:

–Ты – щенок, понимаешь, что ты делаешь? Как ты, выросший в интеллигентной семье, можешь опускаться до рабочего класса? Как я буду смотреть в глаза коллегам? У них сыновья уже диссертации защищают, научные работы пишут, а что я скажу? Что мой сын – мент?

– А ты забудь, что у тебя есть сын. Зачем пятнать своё честное и святое имя? – ответил я и, взяв всего одну сумку с вещами, вышел из квартиры родителей, и на протяжении пятнадцати лет больше там не появлялся. И если бы не Мирка и её чемоданы, которую я в прошлом году забирал из аэропорта, то я бы даже в их новом доме не появился. С матерью я встречался в её клинике, а сестра сама меня находила, когда ей было это необходимо.

Спустя три недели.

После того раза, когда мы вместе завтракали, я не видела Демида. Наверное, это и к лучшему. Он столько поднимает эмоций внутри, что порой становится невыносимо. Вся его доброта – это просто воспитание, не более того, или жалость. Это, как кормить бездомных животных, что-то из той же категории. Мне не стоит на этом заострять своё внимание.

Подобные мысли в моей голове звучали с того момента, как я вышла из квартиры Титова. И вот уже три недели не могла эмоционально войти в рабочее русло. В голове творился хаос, в эмоциях – полный раздраз. Я, то пылала злобой к самой себе, то принималась себя жалеть, доводя себя этим до слёз. Вот и сегодня выйдя из дома и направляясь на работу, я очередной раз вернулась мыслями к Демиду. Наказание какое-то. На часах была половина шестого, вечерело, и на улицах зажигали первые фонари. В витринах магазинов появлялись уже первые наряженные ёлочки и новогодние гирлянды. Уже через неделю весь город будет сверкать всевозможными огнями и дышать атмосферой праздника. Своеобразное волшебство.

Я села в трамвай и, глядя в запотевшее стекло, вспоминала, как мама всегда готовилась к этому празднику. Она очень любила новый год. Мы всегда наряжали небольшую искусственную елочку, развешивали мишуру. Отец доставал из антресоли коробку с пластиковым Дедом Морозом и Снегурочкой, и мама каждый год пыталась отмыть посеревший от времени пластик. Смеялась при этом и говорила, что наш Дед Мороз городской, тут снег грязный, вот он и испачкался. Папа распутывал гирлянду. Помню, как в один год нам пришлось украшать елку конфетами, потому что папа случайно уронил коробку с игрушками, и большая часть разбилась. Мы привязали ниточки к каждой конфете и развесили их на ёлке. Было тепло и уютно. А когда мы с мамой ходили в магазин перед праздником, то она всегда называла меня сорокой. Потому что я зависала у витрины с новогодними игрушками, яркими, блестящими. Особенно нравились шары с красивым напылением и какой-нибудь фигуркой внутри. За год до маминой

болезни она подарила мне такой шар, и это был самый лучший подарок, который я с трепетом и особой гордостью повесила на нашу старую ёлочку. Даже сладости не нужны были, главным подарком стала простая новогодняя игрушка. В детстве я мечтала, что, когда вырасту, куплю целую коробку красивых ёлочных шаров, и моя новогодняя елочка будет самой красивой. Глупые детские мечты... так и остались мечтами, как и многое в моей жизни.... Переведя взгляд на людей, заметила маленькую девочку в смешной шапке, которая держала в руках небольшую куклу и что-то рассказывала своей маме. Та с нежностью улыбалась, смотря на дочь, что-то ей отвечала, а потом взяла её за руку, надела варежки, поправила шапку, ту же затянула шарфик и коротко поцеловала девочку в щеку. После чего они, обменявшись улыбками, направились к выходу. От вида этих двоих у меня выступили слезы и защипало в глазах. Нет, не только из-за того, что мамы уже нет, а в большей степени, потому что моя мама никогда так открыто не проявляла свои чувства. Наверное, просто не умела. Она сама не знала материнской любви, и как её дарить не знала... Слёзы застелили глаза пеленой. Шмыгнув носом, я проморгала ненужную сейчас влагу и начала готовиться к выходу.

Что-то совсем меня разобрало. Надо успокоиться, прийти в себя и перестать себя жалеть. Жалость к себе – это роскошь, которую я не могу себе сейчас позволить. Просто не имею на это права.

Глава 7

Ночь подходила к концу, я зашла в гримерную и хотела уже переодеваться, но в приоткрытую дверь заглянула Ира.

– Вик, там на приват тебя просят.

– Ир, я уже домой собиралась.

– Последний, у тебя ещё полчаса есть. Вторая випка в правом крыле.

– Хорошо, пять минут дай мне, – Ира скрылась за дверью, а я, обхватив лицо руками, тяжело выдохнула. Устала, как же я устала. Сейчас хотелось лишь одного – оказаться дома, залезть под одеяло и, закрыв глаза, ни о чем не думать.

– Вика-а, – снова раздался голос Иры.

– Да иду я, – крикнула в ответ, прошлась расческой по волосам и, надев туфли, направилась в зал.

Оказавшись в випке, включила музыку и начала танцевать. Клиентом оказался представительный мужчина средних лет, который заливал в себя коньяк и скользил по мне своим похотливым взглядом. Превозмогая отвращение, я улыбалась и выполняла свою работу, мечтая, чтобы время бежало быстрее.

Выполняя очередное движение, почувствовала его руки на себе.

– Прикастаться нельзя, правила клуба.

– Да на х*ю я вертел ваши правила.

– Прошу прощения, но, если вы не уберете руки, я буду вынуждена позвать охрану.

– Заткнись и шевели жопой, – я попыталась сделать шаг назад к выходу, но он схватил меня за руку и потянул на себя. Начав вырываться, я закричала. Дверь резко открылась. Охранники швырнув от меня этого урода, и заломив ему руки, вывели его из комнаты, а я так и осталась сидеть на полу. Меня затрясло, слёзы струились из глаз, щеку справа сильно защипало. Видимо, поцарапалась о его запонки или часы.

– Вик, ты в порядке? – Ира залетела в випку. – Он ударил тебя?

– Нет, просто схватил, – я попыталась успокоиться и смахнула ладонью слёзы.

– Пошли вниз. У меня есть успокоительное в сумочке, пошли, – она помогла мне встать, и мы, быстро преодолев лестницу и зал, оказались в гримерной. – Сейчас принесу таблетку и воды.

– Не надо, Ир, всё нормально. Сейчас умоюсь и поеду домой.

– Точно?

– Да. Иди, работай. Всё хорошо, – но хорошо не было, было отвратительно. Стоило Ире выйти за дверь, силы закончились. Понимая, что сейчас должны вернуться девчонки из зала, я вышла в коридор и, зайдя в служебный туалет, включила воду. Стоило увидеть свое отражение в зеркале и меня накрыло. Слёзы душили настолько, что дышать не могла, захлебывалась ими. Умылась холодной водой, которая ни на грамм не помогла. Устала, как же я устала.... Не могу больше, я больше не могу так. Выворачивает от всего, от самой себя блевать хочется. Захлебываюсь слезами в попытке их остановить. Оседаю на пол, подтягивая к себе колени, и сотрясаюсь в беззвучном рыдании. Грудь стягивает до боли, словно в тиски, так, что даже звук выдавить из себя невозможно.

– Вик, Вика, – кто-то прикасается теплой ладонью к моему плечу – Вик, – поднимаю голову и вижу обеспокоенный взгляд Киры Алексеевны, – пошли со мной. Давай, поднимайся, – сил сопротивляться нет. Она уводит меня в свой кабинет, а я всё не могу унять слезы, и от этого становиться ещё хуже. От того, что кто-то видит мою боль, стыдно. Хочется укрыться от всего мира, чтобы никто не видел, как больно, внутри больно. Но всё меняется, когда она

садиться рядом со мной на диван и обнимает, прижимает мою голову к своему плечу, гладит по волосам, а от этого простого участия слёз становится ещё больше.

– Не... надо... – выдавливаю из себя не в силах отстраниться.

– Плачь, если хочется, это иногда приносит облегчение. Порой лучше поплакать, чем держать всё в себе, – Кира говорит ровно и тихо, а я не могу ничего ответить, в горле, словно ком стоит. Плачу уже навзрыд, как мне кажется, слишком долго, до опустошения, до всхлипов и икоты. Глаза жжёт от слёз, царапину на щеке щиплет, а щёки горят, но меня отпускает. Уже могу вдохнуть воздух свободно. Отстраняюсь, наконец, от Киры.

– Спасибо, – произношу, шмыгая носом.

– Держи, – она протягивает мне стакан с водой. – Этот человек теперь в чёрном списке. Артём сейчас разбирается с охранной. Устала? – я лишь качаю головой. – Давай завтра выходной возьмишь?

– Нет.

– У тебя что-то случилось, да? – тоже лишь киваю, делая глоток воды. – Ладно, не буду лезть в душу, но ты можешь поделиться со мной, когда захочешь. Я постараюсь помочь.

– Спасибо, – отвечаю, смотря в стакан. Чем она мне может помочь? Ничем.

– Давай мы подвезем тебя до дома.

– Не надо, Кира Алексеевна. Я сама доберусь. Итак, вам блузку испачкала своими слезами. Спасибо за всё.

– Не за что, я ничего не сделала. А блузка – это ерунда. У меня где-то капли были успокоительные, – она поднимается с дивана и, вытащив из шкафа лекарство, добавляет его в мою воду. – Выпей, станет легче. Завтра приходи к восьми, выпишь хорошо. И если надумаешь взять выходной, сообщи.

Ещё раз благодарю Киру. Выйдя из её кабинета, быстро переодеваюсь и, натянув капюшон, выхожу из клуба. Морозный воздух пощипывает лицо, а ветер пробирает до костей, но мне сегодня всё равно. Наоборот, хочется замерзнуть посильней, чтобы холод вытравил из души всё остальное. Я не спеша иду в сторону остановки, не сразу обратив внимание, что какая-то машина потихоньку следует за мной. И только, когда раздаётся сигнал я, вздрагивая, резко оборачиваюсь. Стекло медленно опускается, и я вижу Демида.

– Садись.

– Испугал?

– Немного, – отвечает, закрывая дверь.

– Что это? – я повернул её лицо к себе, рассматривая ссадину на лице.

– Неудачный приват, – она аккуратно отводит мою руку, прикоснувшись своими холодными пальцами к моей ладони, и отворачивается.

– В «Эре», что ли? – я сжимаю её ладонь в своей, согревая замерзшие пальцы.

– Да.

– Куда смотрела охрана? – отчего-то хочется вернуться к клубу и отчитать оболтусов Артёма.

– Они вбежали, как слышали мои крики. Я не успела нажать на кнопку.

– Твою ж мать.

– Артём с Кирой разобрались уже со всем. Теперь этот человек в чёрном списке клуба.

– И часто такое случается?

– У меня впервые. Ленку год назад до синяков схватили за руку. Больше и не припомню.

– У тебя дома хоть перекись есть?

– Есть, не волнуйся. Заживёт, как на собаке, – она попыталась убрать руку из моей ладони, но я не отпустил.

– Ты замерзла совсем.

- Ветер холодный, сейчас согреюсь, – тихо проговорила Вика.
- Завтра выходной?
- Нет.
- Ты с таким лицом работать собралась?
- Наложу грим, надену красивую маску и всё. Не ногу же сломала.
- Возьми выходной, у тебя круги тёмные под глазами, – она усмехнулась.
- Нет. Если я возьму выходной, то в конце недели мне придется выйти на «другую работу», а я вот не горю желанием. Лучше на пилоне жопой покручу.
- Много не хватает?
- Неважно, справлюсь, – она замолчала. Мы уже подъезжали к её дому, когда она снова заговорила. – Останови тут, мне в магазин зайти надо, Басе корм купить.
- Басе?
- Кошке. Она в подвале живёт, я её подкармливаю. Иногда бабушка одна из соседнего дома что-то ей приносит. Сейчас холодно уже, чтобы выжить ей кушать надо хорошо.
- У меня тут куриные крылышки остались полкоробки. Она ест такое? – покупал перекусить в дороге, но было некогда. Так и остались лежать на заднем сиденье.
- Она всё ест, даже хлеб, – я остановил машину у дома Вики. Она вышла и пошла ко входу в подвал.
- Бася, Бася, Басечка, – кошка выглянула из своего укрытия, услышав знакомый голос. Вика подняла валявшуюся рядом картонку и выложила на неё крылышки. Кошка с аппетитом набросилась на лакомство. Я присел, рассматривая это облезлое, голодное чудо. Дворовая кошка черепахового окраса с половиной правого уха уплетала свой ужин, не отвлекаясь и не обращая на нас никакого внимания. Я протянул руку, чтобы погладить её, но Вика тут же остановила меня, схватив за локоть.
- Не надо, Демид. Никогда не гладь бездомных животных, если не хочешь забрать это животное домой. Ты погладишь её, а она будет идти за тобой, надеяться, что ты возьмешь её с собой. А ты ведь не возьмешь. Не давай ей пустую надежду. Хочешь чем-то помочь, положи поесть и уходи, – почему-то в этот момент мне показалось, что Вика имеет в виду не только эту облезлую кошку...
- Тогда пошли, провожу тебя.
- Не надо, езжай.
- Я один раз почти уехал, и к твоему горлу приставили нож. Так что не спорь.

Глава 8

Три долбанные недели ушли на решение вопросов в этом долбаном городе с чокнутым клиентом. У мужика явно была мания преследования. По-другому его пустые подозрения в отношении бизнес-партнера я не могу ничем оправдать. Гнал по полупустой трассе, мечтая быстрее оказаться дома, устроиться в кресле с чашкой кофе, плеснув туда пару капель коньяка, и ни о чем не думать. Но только вот не думать у меня не получалось. Неделью назад я попросил Андрюху пробить по своим каналам информацию о матери Вики. Не знаю, что больше всего меня привело в изумление: то, что она не соврала, или то, что прошла через всё это дерьмо одна. Если про родителей она не соврала, то и остальное как минимум на девяносто процентов правда. За все эти недели я уже по сотому кругу прокрутил в голове её рассказ. Сам не понимаю, что вообще хочу найти в нём, и почему не приходит спокойствие и удовлетворение. Ведь, вот они пазлы. Картинка собралась, но всё равно что-то точило изнутри. Уже двигаясь по городу, проезжал мимо «Эры», задумываясь, кофе что ли заехать выпить? Или до дома уже потерпеть? Притормозил на перекрестке, решая повернуть к клубу или нет, когда заметил знакомую женскую фигуру. Вика вышла из «Эры» и двигалась по тротуару в сторону остановки. Неторопливо шагала, не смотря на яростные порывы холодного ветра. Перестроился в правый ряд и последовал за ней. Зачем? Да хрен его знает, всё равно по пути. Почему бы не подвезти?

Мы поднимаемся на мой этаж. Я открываю дверь и молюсь про себя, чтобы он ушёл. Но, видимо, мои просьбы и мольбы сегодня не доходят до небесной канцелярии, и Демид входит следом за мной в квартиру.

– На кофе пригласить, увы, не могу. Пока дождемся, чтобы вскипел мой чайник, наступит рассвет.

– Плита не работает?

– Греет плохо, но я уже приловчилась, – Титов разувается и без приглашения проходит на кухню, вызывая таким поведением моё замешательство.

– У тебя инструменты есть? – он подходит к моей старой Лысьве и, отодвинув её от стены, выдергивает вилку из розетки.

– Э-э-э, были где-то отцовские. А что именно тебе надо?

– Пара отверток и наждачная бумага для начала.

– Ты собрался её чинить? – мои брови поднимаются высоко вверх. Наверное, даже складки на лбу от удивления появились.

– Вик, принеси отвертку, – повторяет уже более настойчиво, и я, прикрыв рот, иду за ящиком с инструментами.

– Тут контакты отошли от одной конфорки, а на остальных окислились, зачистить надо. Не гарантирую, но это может помочь, – подняв вверх варочную поверхность, Демид по очереди вынимает каждый контакт из гнезда и зачищает наждачной бумагой. Я растерянно слежу за этим действием, не в силах вообще что-то прокомментировать или сказать. – Сколько лет она уже тут стоит?

– Не знаю, сколько себя помню.

– Понятно, – Демид закончив, задвигает плиту на место, а я стою, как истукан, периодически моргая глазами. Включив все конфорки, он ощупывает их ладонью. – Вот эта быстрее всего греет, можешь набирать в чайник воды.

– У меня только растворимый, – произношу, имея в виду кофе, и всё ещё не двигаюсь с места.

– Не страшно, – Демид убирает все инструменты, а я ставлю чайник на плиту, всё ещё находясь в какой-то прострации. – Куда убрать? – обращается ко мне, поднимая с пола ящик.

- Поставь в сторону. Я потом сама уберу на место. И ... спасибо за помощь.
- На здоровье. Я закурю?
- Конечно, только форточку приоткрой, – Демид закуривает и лениво опирается об подоконник. – Что я тебе должна за помощь?
- Ты о чём? – теперь он смотрит на меня с удивлением, как и я пару минут ранее взирала на него.
- Ты мне плитку починил...
- И что? А ты мне кофе сделаешь, – произнес, словно это не было дня него чем-то необычным. Я достала две кружки из шкафа, сахарницу и пакет сухек. Большого, увы, не было.
- Обычно, если кто-то и помогает, то просят или денег, или услугу за услугу, – проговорила я, разливая по кружкам кипяток.
- Странные тебе люди попадались, – протянул в ответ Демид, туша сигарету в пепельнице и поворачиваясь ко мне.
- Обычные, как и все.
- Не знаю. Помогая, например, Орлову, максимум, что я могу с него стянуть – это бутылку бренди. Просто знаю, что, если мне что-то понадобится, он всегда мне поможет. Также, как и Стас или Андрюха.
- Тебе повезло с окружением. Большой своей массой люди алчны и жестоки.
- С этим спорить не стану, уроков достаточно, – он отхлебнул кофе и, поморщившись, посмотрел в сторону раковины. – Б*ать, тебя это капание из крана не за*бало? По нервам бьёт.
- Я привыкла уже. Сейчас тряпку подложу.
- Резина есть? – я уставилась на Титова, не понимая, что он имеет в виду. – Старая велосипедная камера или резиновые сапоги на крайний случай? Может мухобойка самодельная времен перестройки завалилась?
- А-а-а, где-то была, – сообразив, что нужно Демиду, я достала из антресоли старую мухобойку, которую делал отец, и протянула ему, не совсем понимая, зачем она ему понадобилась.
- Толстовата, конечно, но что имеем... – проговорил Титов, снова открывая ящик с инструментами. – Перекрой воду, – разобрав мой старый смеситель почти на части, Демид взял старые истертые резиновые вкладыши, приложил их к резине от мухобойки и вырезал подобные, а после всё снова собрал. – Включи воду, – я повернула вентиль в ванной и вернулась на кухню. Вода больше не капала.
- Спасибо...
- Пожалуйста. Только почему у тебя такой вид, словно я не кран починил, а младенца расчленил на твоих глазах?
- Просто... не знаю, как тебя отблагодарить... – он окинул меня уставшим взглядом и допил кофе парой глотков.
- Обработай ссадину и выпишь, выглядишь хреново. Спасибо за кофе. Думал, уже сдохну без кофеина, – Демид поставил кружку на стол и, отодвинув ящик с инструментами к стене, прошёл в коридор. – В кафе на трассе только чай был, причем со специфическим вкусом, словно мне воду после помывки посуды налили. Пить было невозможно.
- По работе куда-то ездил? – я постаралась поддержать разговор.
- Да, небольшая командировка была, – Демид обулся и накинул куртку. – С тобой точно всё хорошо?
- Да, всё нормально.
- Выглядишь потерянной.
- Ночь была тяжелая.
- Отдыхай, – улыбнулся одним уголком губ и открыл дверь.
- Демид, – я окликнула его, сама немного замешкавшись, – спасибо тебе ещё раз за всё.
- Это мелочи, Вик, – подмигнув, вышел за дверь.

Мелочи... Как же давно их не было в моей захудалой жизни ... этих мелочей... Закрыв дверь на ключ, я прислонилась к ней спиной, прикрыв на секунду глаза и выдохнув. После отправилась прибираться на кухне. Вымыла кружки, убрала инструменты и, закутив, с какой-то волчьей тоской устала на оставленный Демидом окурок в пепельнице.

Если бы жизнь была игрой, и в любой момент можно было поменять свою роль, я бы с удовольствием это сделала сейчас. Чтобы иметь возможность встретиться с ним при других обстоятельствах, с другой историей за плечами: более чистой, более подходящей такому человеку. Что ему моё «спасибо»? А больше мне и нечего предложить в качестве благодарности, только если своё тело. Но если бы он его хотел, то сам бы предложил. Видимо, этого ему от меня не надо. Затянувшись сигаретой, выпустила дым и поежилась от холодного воздуха, сквозившего из открытой форточки. Вот зачем я сейчас об этом думаю? Зачем? Ищу лазейку, в случае нахождения которой будет возможна «чистая и светлая»? Видимо, мало мне сегодня в клубе попало, раз такие мысли в голову лезут. Нет, в моём случае никакой лазейки. Есть факты и опыт, против которого не пойдешь.

– Не строй иллюзий, дура! Он просто тебя пожалел! Может хобби у него такое – помогать юродивым, – проговорила вслух самой себе, затушив сигарету и сбросив с себя вещи, отправилась в душ.

Выхожу из подъезда и сажусь в машину. На улице уже светло. Ранее утро подняло на ноги добрую половину города. Пробок на дорогах ещё нет, но поток с каждой минутой всё плотней, и мой воспаленный от недосыпа мозг это начинает напрягать. Спустя десять минут сворачиваю во двор. В голове пульсирует лишь одно желание – выспаться. А ещё перед глазами стоит удивленный взгляд Вики. Она удивилась простой помощи, а меня удивило, что она сама не попросила починить тот же кран, даже не намекнула. Наоборот, смутилась, растерялась. Только потом, когда она спросила, что мне должна, я понял, что она бы и не стала просить никого и никогда. Нет, не потому что гордая, а потому что давно усвоила простую истину: за всё надо платить, так или иначе. «Бесплатный сыр, лишь в мышеловке» – жестокая, но правда. Она не доверяет, когда видит бескорыстность, не верит, что кто-то просто может сделать что-то для неё. И её можно понять.

Пройдя в квартиру, стянул с себя вещи, бросил всё в корзину для белья, умылся и, выключив звук на телефоне, лег на диван. Сил не осталось, чтобы дойти до спальни. Мне показалось, я заснул даже раньше, чем моя голова коснулась подушки.

Глава 9

– Дём, что у тебя происходит? – поинтересовался Стас, присев в кресло, стоявшее напротив моего стола.

– Ничего.

– Вот только не лечи мне, что всё у тебя лучше всех, и жизнь прекрасна. Ты уже несколько месяцев, как пропал ото всех. На закрытие мотосезона не появился, в гости не заезжаешь. Даже к Игорю на шашлыки не приехал, а у Ники, между прочим, день рождения тридцатого сентября был.

– Я знаю, по телефону поздравил. Работы много, не до гулянок.

– Ясно, что не хрена не ясно, – протянул Стас, – ты на Новый год-то хоть к Артёму заглянешь? Мы собираемся после двенадцати в «Эре» отмечать.

– Я к родителям поеду, а потом загляну.

– К родителям? Ты серьезно?

– Да. Мать попросила побыть хотя бы до курантов.

– А отец?

– Если ты хочешь спросить, наладились ли отношения между отцом и сыном, то все осталось по-прежнему.

– А-а, Титов, – рыкнул Франц, – с тобой общаться в последнее время невозможно. Ты сам себя слышишь? Как робот отвечаешь.

– Что ты хочешь услышать?

– Искренность в твоём голосе хотя бы. Ладно, когда вспомнишь, что у тебя есть друзья, с которыми можно поделиться, позвони, – он поднялся с кресла и направился к двери.

– Ты ещё дверью хлопни, как истеричная баба, – проговорил я в след Францу.

– Дебил, – прилетело в ответ.

Вот что я должен отвечать на такие вопросы? Они и так в курсе моих отношений с отцом, а распинаться и пересказывать очередной конфликт или жаловаться на рабочие проблемы – это не для меня. Да и глядя на счастливые лица друзей, как-то говорить о плохом совсем не хочется. Игорёк готовится стать отцом и сдувает пылинки с жены. Малыш должен появиться на свет в ближайшие три недели, и они с Никой переживают, как бы это не случилось 31 декабря. Темыч от Киры не отходит ни на шаг. Эти вообще попугаи-неразлучники, всё делают вместе: спят, работают, отдыхают. Даже Лавров, с*ка, и тот сверкает от счастья, как новогодняя ёлка. Поэтому светить своей кислой мордой совсем хочется. Если быть откровенным до конца, то я чувствовал себя лишним на этом празднике жизни. Наверное, из-за этого и поддался на уговоры матери, согласившись встретиться с ними Новый год.

Репетиции новогодней программы в купе с нагруженным рабочим графиком выматывали. Пара девчонок свалились с простудой, и на остальных раскидали их часы. Приходилось почти каждый день работать до самого закрытия. Оплата долга в клинике была с семнадцатого по двадцатое число, кредита в банке с двадцать третьего по двадцать шестое и последнего долга с двадцать седьмого по тридцатое. Поэтому расслабляться было некогда. Первый я оплатила неделю назад, сегодня оплачу второй и, надеюсь, удастся в срок оплатить третий. Я старалась изо всех сил сосредоточиться только на работе, прогоняя мысли о Демиде прочь. Впрочем, он не появлялся уже давно, и какая-то часть меня даже радовалась этому факту. Пару раз ко мне подходила Кира, интересовалась моим самочувствием. Хорошая она, повезло Артёму. Другая на её месте уволила бы меня к чертям. Ведь она знала, что я спала с Орловым, но этот факт её словно совсем не волновал.

– Вик, ты готова? – голос Анжелки отвлек меня от моих мыслей.

– Да. Идём, – я поправила волосы, и мы отправились в зал, чтобы сменить Ольгу с Лилькой.

– Привет, мам! – произнёс я, входя в дом родителей.

– Здравствуй, мой дорогой! – мама обняла меня и я, скинув куртку, прошёл в гостиную. В кресле уже сидел отец, а на диване расположился Эдуард Аристархович с семьей, давний друг отца.

– Добрый вечер! – я поприветствовал собравшихся.

– Демид! Ох, я тебя и не узнала сразу, – зашебетала тетя Ева – жена Эдуарда Аристарховича. – Возмужал так. Альбин, у тебя не сын, а красавец, не насмотреться.

– Спасибо, Ева, – сдержанно произнесла мама, улыбаясь.

– Вы, как всегда, прекрасны, тетя Ева, – произнёс, принимая дружеские объятия женщины и здороваясь за руку с её мужем и сыном. – А где Мирка?

– В комнате по телефону говорит, – ответила мама.

– Я поднимусь к ней, – постучав, я распахнул дверь в комнату сестры. Мирка валялась звездочкой на кровати и болтала по телефону, видимо, с подругой.

– Привет, стрекоза!

– Дёма-а! – крикнула она, подпрыгивая с места. – Я перезвоню, – проговорила она в трубку и откинула телефон на подушку, а в следующую секунду повисла на моей шее.

– Мир, задушишь.

– Такого задушишь. Блин, мне кажется, ты ещё больше стал. Как ты?

– Нормально.

– Клубы, бабы и байк?

– Я давно не зависаю в клубах, а на баб времени нет, работы много.

– Никогда не поверю, что мой братец ведет монашеский образ жизни.

– Верь, во что твоя душа желает. Сама как? Как учеба?

– Хорошо. Из учебников не вылезая, голова уже скоро перестанет вмещать информацию.

– Ты уверена, что тебе это надо?

– Наверное, – неуверенно проговорила Мирка, забавно хмыкая.

– Подумай хорошо, пока не поздно.

– Чтобы у отца инфаркт случился, если я решу бросить учебу?

– Считаешь, что одного отщепенца в семье достаточно? Два – это уже перебор? – мы рассмеялись.

– Дём, ты не думал помириться с папой?

– Давай сегодня не будем об этом. Ты прекрасно всё знаешь сама, не я начал этот конфликт.

– Дём...

– Мира, я не буду это сегодня обсуждать, давай в другой раз. Всё-таки праздник на носу. Ты мне лучше скажи, чего тут Эдуард Аристархович забыл, ещё и со всей семьей?

– О-о-о, это новая папина идея-фикс, ты сейчас обалдеешь! Ты их сынка видел?

– Яна, конечно.

– То ещё зрелище, да? Папа надеется, что я с ним начну встречаться, ты представляешь? Вот с этим червем-диарейщиком в очках, – я рассмеялся.

– Почему диарейщиком?

– В прошлый раз за ужином после того, как все поужинали, он тут же побежал в туалет. Тетя Ева давай всем рассказывать, что у её мальчика слабый желудок, особенно на тушеную капусту. Ты представляешь? И всё это за столом. Господи! – Мирка смешно закатила глаза.

– Смотрю, ты тут не скучаешь.

– Ага, цирк каждый день с выездом на дом.

– Мира, Демид, – раздался голос мамы из коридора, – спуститесь к гостям. Мы уже за стол садимся.

– Сейчас, мама, идем, – крикнула в ответ Мирка и, повернувшись к зеркалу, пригладила волосы. – Ну что, пошли играть в примерную семью?

– Не, я пас, лучше побуду самим собой. Я тут только по просьбе матери.

– Мама скучает по тебе, – серьезно произнесла Мира, пока мы спускались вниз.

– Я знаю, поэтому и приехал.

Мы сели за стол, и вроде бы вечер проходил более-менее сносно. Отец общался с Эдуардом Аристарховичем и Яном, упорно делая вид, что меня нет. Мама, Мира и тетя Ева разговаривали между собой, пытаясь периодически втянуть и меня в свой разговор. Когда куранты пробили двенадцать, мы наполнили бокалы шампанским и под длинный и нудный тост отца встретили Новый год. Я для вида со всеми поднял бокал, но пить не стал, просто поставил его на стол.

– Демид, ты не выпьешь даже шампанского? – поинтересовался Эдуард Аристархович.

– Я за рулём.

– Можно ведь такси вызвать.

– Предпочитаю передвигаться на своей машине.

– Давно хотел спросить, кем ты работаешь? Машина у тебя довольно престижная. Альберт всегда уходит от ответа, а мне до жути интересно, – произнёс мужчина, а за столом воцарилась напряженная тишина.

– У меня своё дело.

– Очень любопытно. А специфика?

– Детективное агентство.

– Прямо как в кино. И насколько востребованы такие услуги?

– Достаточно, чтобы не сидеть, сложа руки.

– Эдуард, ты лучше расскажи, как у Яна с диссертацией. Я слышал, Георгий Александрович его очень хвалил, – попытался перевести тему отец.

– Демид, поможешь мне на кухне с горячим? – попросила мама.

– Конечно, – я вышел из-за стола и направился на кухню.

– Не обращай внимания на отца, ты же знаешь какой он.

– Мам, всё в порядке, не волнуйся.

– Я горжусь тобой, ты же знаешь.

– Знаю, мам.

– Что, не смог сдержать язык за зубами!? Надо было обязательно меня опозорить! – шипя сквозь зубы, произнес отец, заходя на кухню.

– Альберт, прекрати, – мама тут же попыталась его приструнить, – не порть праздник.

– Ты сам себя позоришь, я тут ни при чём.

– Щенок, считаешь, что если отвернулся от семьи, то тебе всё можно? Забыл, что мы тебе дали?

– Что, отец? Что конкретно мне дал ты?

– Демид! Альберт! Сейчас же прекратите! – строго произнесла мама. Только из уважения к ней я не продолжил, а мне было, что ему ответить. – Альберт, вернись, пожалуйста, к гостям, – мама почти вытолкала отца из кухни, всучив ему тарелку с горячим.

– Я поеду, мам. Был рад тебя увидеть.

– Я бы очень хотела, чтоб ты остался, но понимаю, что для тебя это сложно.

– Я заеду ещё к тебе в клинику после Рождества.

– Конечно, сынок, заезжай в любое время. Я всегда тебе рада, – поцеловав маму, набросил куртку и вышел во двор, включив прогрев машины с брелка. Закурил, стоял на крыльце родительского дома, выпуская никотиновый дым, и ощущал себя тут лишним. Этот дом, как

и их прошлая квартира, не стал для меня тихой гаванью. Не вписываюсь я в эту идеальную картину, нарисованную моим отцом. Видимо, краски не те...

– Дём, ты уезжаешь? – Мирка выскочила на крыльцо, набросив лишь мамину шубу сверху.

– Да, пора. Иди в дом, замерзнешь, – я выбросил в сторону окурков, зная, что это разозлит отца.

– Это из-за папы?

– Нет, я Стасу обещал заехать сегодня, поздравить с праздником.

– Приезжай почаще, – тихо проговорила Мирка, сильнее запахивая шубу.

– Давай, лучше ты ко мне в гости, – я обнял её и поцеловал в нос. – Беги в дом, трясёшься вся.

Отъезжаю от дома родителей, прикуривая очередную сигарету. На душе кошки скребут от гнетущей пустоты внутри. Машин на дорогах почти нет, лишь такси изредка встречаются на пути. Вдалеке слышны залпы салютов и фейерверков, сопровождаемые радостными вскриками толпы, а я лишь сильнее вжимаю педаль газа, подгоняя бэху, сам не знаю, куда и для чего.

Кружу какое-то время бездумно по улицам города. Часы показывали два ночи, когда я остановил машину на стоянке у «Эры» рядом с белым Гранд Чероки Артёма. Снова закурил. Шум, доносившийся из здания клуба, раздражал, бил по нервам, но взглянув на дисплей телефона, на котором отражалось почти полсотни пропущенных от Стаса, Андрюхи и Артёма, я, поморщившись, вышел из машины. Меня ждали, а значит – надо идти.

– Дёма, – первая меня увидела Кира и, поднявшись с места, потянулась ко мне. Я поцеловал её в щёчку под пристальным и ревнивым взглядом Артёма.

– Привет, с наступившим что ли!

– И тебя.

– Ой, хватит чужую жену тискать. Мы, может, тоже хотим, – вклинился в разговор Стас.

– А нам не дают, – добавил Андрюха.

– Я вам сейчас рога пообломаю, – рыкнул в ответ Артём, и эти шалопаи рассмеялись.

– Привет! – я пожал руки парням, заметил сидящую на диване Нику. – Какие мы уже большие, – я улыбнулся, смотря на её уже круглый животик. – Можно?

– Можно, – ответила Ника, и я, присев на корточки, положил свою ладонь на её живот. Через мгновение почувствовал довольно ощутимые толчки.

– Какой футболист.

– Ага, скорее бы уже он решился показаться на свет, а то все бока мне намял.

– Ну вот, он опять чужую женщину лапает, – наигранно возмутился Стас.

– Франц, бл*ть, тебе чего бабы не дают, или у тебя зуб на меня?

– Завидно просто, – скривившись и отпив из своего бокала, проговорил Стас, едва скрывая улыбку.

– Мы, кстати, тебя ждали, уже домой собирались, – произнес Игорь, обнимая жену.

– Если бы знал, что вы тоже тут будете, то приехал бы раньше.

– Трубку брать надо и знать всё будешь! – выкрикнул Франц.

– Стасян, ты там чего, эликсир смелости пьешь? Выхватишь же.

– А нам всё равно, а нам всё равно, не боимся мы ни волка, ни сову... – раскатисто и фальшиво заорал Франц.

– Он чего налился так? – обратился я к Артёму.

– Не обращай внимания на этого зайца, он сегодня в ударе, – растрепав волосы Стасу, толкнул его в плечо, а тот, выйдя из-за стола, начал вытанцовывать. М-да, вид танцующего Франца – это, конечно, то ещё зрелище, не для слабонервных. Виляя своей пятой точкой и расставив в стороны руки, тот направился в сторону танцпола. Спустя минут десять мы вышли на улицу, провожая Игоря и Нику.

- Дём, заезжай в гости, – Игорь похлопал меня по плечу.
- Постараюсь.
- Не «постараюсь», а заезжай.

Наблюдая, как Волков помогал Нике сесть в машину и сам застегнул на ней ремень безопасности, не забыв по пути поцеловать, захотелось нажраться до потери пульса, ну или хотя бы до состояния Франца.

- Как родители? – спросил Тёмыч, когда мы возвращались в клуб.
- Всё, как обычно.
- Ясно. Что пить будешь? Виски, бренди, коньяк или беленькой?
- Ничего, домой поеду.
- Мне твой настрой совсем не нравится. Что-то случилось?
- Нет. Устал просто.
- Так расслабься, отдохни. Хочешь, вон в випку с девчонками сходи. Ты у нас свободный, тебе можно, – улыбаясь, произнес Артём, откинувшись на спинку дивана.

- Не хочу.
- Дём...
- Не надо.
- Чего не надо?
- Советов не надо.
- А я и не собирался их давать.
- Мальчики, пошлите танцевать, – к нам подошла Кира и присела на колени Артёма.
- Кир, я боюсь, ты ещё не родилась, когда эти два нехороших человека были мальчиками, – выдал Стас, присаживаясь на диван и опрокидывая в себя остатки из своего стакана.
- Тём, отвесь ему затрещину, а то я не дотянусь.
- Знаешь, по-моему, сегодня это бесполезно. Он под двойной дозой «обезболивающего», – ответил Орлов, кивая на уже полный стакан виски Стаса.

Музыка, веселье, атмосфера праздника царила вокруг меня. Парни развлекались и дурачились, а я, потягивая сок, мечтал оказаться дома в тишине. Откинувшись на спинку дивана, наблюдал за резвившимся на танцполе Стасом, который уже был в окружении двух девушек. Внезапно поймал себя на том, что, не отдавая себе отчета, высматриваю на сцене Вику на протяжении всего этого времени. Пока все были заняты, вышел из-за стола и отправился к гримерной. В коридоре столкнулся с одной из танцовщиц, она выходила из комнаты для персонала.

- Вику позови, – я поймал её за руку.
- А её нет. Может, я подойду? – она взмахнула своими приклеенными ресницами и растянула губы в широкой улыбке.
- Где она? – я открыл дверь гримерной, не отпуская руку девушки. Комната была пуста.
- Откуда я знаю. Домой, наверное, ушла уже, – стрельнув глазками, проговорила ярко накрашенная блондинка.
- Так, наверное, или ушла?
- Не знаю, – наигранно произнесла девушка, проводя пальчиком по моей груди.
- Хорошо, а если вот так, – я вытащил из кармана пару крупных купюр.
- Поехала домой час назад. Всё?
- Нет. Номер её телефона, – блондинка, замешкавшись, оглянулась по сторонам.
- Я не помню наизусть, у меня в телефоне забит.
- Иди за телефоном, я подожду.

Её не пришлось просить дважды. Не прошло и минуты, как она уже снова стояла передо мной.

- Я надеюсь, у Вики не будет проблем из-за этого?

– Не будет, давай телефон, – она протянула мне свою трубку, и я, забив себе номер Карецкой, вернул аппарат и всучил ей заработанную пару купюр.

– Если что, я номер не давала, – ничего не ответив, развернулся и пошёл обратно в зал, по пути набирая сообщение.

Автобусы уже не ходили, в такси сегодня были заоблачные цены, поэтому я не спешила домой, преодолевая остановку за остановкой. Наслаждалась разноцветными огнями и хлопьями белого снега, который медленно падал на землю, сверкая от света уличных фонарей, словно горсти драгоценных камней, добавляя волшебства сегодняшней ночи. Если бы не болели ноги, то я бы, наверное, даже прогулялась до сквера или парка в нашем районе. Но отработав больше девяти часов на заоблачной шпильке, об этом можно было только мечтать.

Уже подходя к своему дому, раздался сигнал телефона, извещающая о сообщении.

«Ты где? Демид» – немного опешив, набрала ответ.

«Дома»

Войдя во двор, остановилась у подъезда. Из дома напротив вышла толпа людей и, смеясь, устанавливала в сугробы фейерверки и петарды. Спустя пару минут раздалась первая хлопка, и в небе под восторженные крики и смех толпы, появились красивые разноцветные огоньки. Я засмотрелась на цветные взрывы так, что не заметила, как почти передо мной притормозила машина Демиды. Он вышел из машины и подошёл ко мне.

– С наступившим!

– Спасибо. И тебя!

– Какие планы на ночь?

– Принять душ и лечь спать.

– Безрадостная перспектива.

– Другой не имею. Ты зачем тут?

– Поздравить тебя с Новым годом, и, если ты ничем не занята, предложить поехать ко мне.

– Я сегодня немного не в форме, тебе придется поискать другую девушку на ночь.

– Я не в этом смысле.

– А в каком? Я вот думаю и не могу понять, зачем ещё ты ко мне приезжаешь? Объяснишь?

– Вик, а ты не думай. Я вот не хочу ни о чем думать сегодня, вообще не хочу, – спокойно проговорил он, вставая рядом и вглядываясь в ночное небо. – Давай сейчас заедем в магазин, купим какой-нибудь херни пожрать, включим фильм или чёртов голубой огонёк. Что там вообще сейчас показывают? Завалимся на диван и опустошим пару бутылок виски. Как тебе такой план? Поддержишь? – Демид произносит это всё каким-то усталым голосом, как и я, наблюдая за взрывами фейерверков.

– Тебе нужен собутыльник? – он оборачивается ко мне, и я не вижу в его глазах праздничного настроения или радости, только усталость.

– Можно сказать и так. Без каких-либо умыслов. Нажрёмся и ляжем спать. Всё лучше, чем сидеть одному в Новый год. Так что?

– Замечательный план, – произношу слабо улыбаясь.

– Ну, вот и решили, – и он улыбается в ответ.

Глава 10

По пути мы заезжаем в круглосуточный супермаркет, Демид набирает готовых салатов и всевозможных закусок.

– У меня дома только бренди и виски. Может, тебе вино взять, у него градус пониже.

– Я думала, ты планировал напиться до состояния «в стельку»?

– Ок, я тебя понял, – Демид, улыбнувшись, подмигивает мне и направляется на кассу.

Спустя двадцать минут мы уже у него в квартире. Я принимаю душ, смывая с себя яркий макияж и усталость после работы. Выйдя из ванной, обнаруживаю, что Демид уже всё разложил по тарелкам и поставил на столик у дивана.

– Держи, – он протягивает мне чистую футболку.

– Спасибо.

– Так, свою часть работы я выполнил, с тебя – найти что-нибудь посмотреть, – Демид даёт мне в руки пульт от телевизора и, прихватив полотенце, тоже отправляется в душ. Я вытираю волосы и натягиваю на себя его футболку. Переключая каналы один за другим и осознаю, что я даже не представляю, что Демиду может понравиться. Что вообще смотрят мужчины? Первым, что всплывает в голове – это триллеры, боевики, футбол, бокс... Ну, не в новогоднюю же ночь? Хотя кто их знает? Я в этом совсем не разбираюсь...

– Ну что, как успехи?

– Честно, мне без разницы что смотреть, – я откладываю пульт в сторону. – Так что, наверное, лучше выбрать тебе.

– Тогда включай первый попавшийся, – Демид вытирает волосы и приносит из кухни два бокала.

– Там у тебя ёлка? – я показываю на высокую коробку в углу комнаты.

– Ага. Достал, а нарядить не было желания, да и времени.

– Странный Новый год без главного символа праздника.

– Хочешь нарядить?

– Это по-детски совсем, – сейчас я чувствую себя нелепо, – но да. Признаюсь.

Замечаю, как Вика посматривает в сторону коробки с ёлкой, и мне становится смешно, по-доброму смешно. Она сейчас выглядит, словно маленький ребёнок, от которого спрятали конфету на самую высокую полку. Как только я предлагаю нарядить ёлку, в глазах Вики вспыхивает такое нетерпение, что мне кажется, ещё чуть-чуть и она подскочит с места.

– Коробка с игрушками за диваном, – произношу и не могу сдержать улыбки. Откусив бутерброд, иду вытаскивать и собирать ёлку.

– С пятнадцати лет не занимался этой ерундой, – проговорил, накручивая гирлянду на этот главный символ праздника.

– А... сейчас тебе сколько? – аккуратно интересуется Вика. – Если не хочешь, не отвечай.

– Это не секрет, тридцать пять.

– Ого, ты выглядишь моложе.

– Внешность бывает обманчива, так что, Виктория, не ходите в гости к взрослым дядям. Вдруг напоят и совратят.

– Где же ты был, взрослый дядя, когда меня совращали, – она смеётся, словно это нелепая шутка, а меня, в который раз, поражает её самоирония.

– Давай уже виски откроем, а то это надолго, – я киваю в сторону ёлки, на которую Вика уже начинает вешать первые игрушки.

– Де-ми-д... – как-то настороженно протянула Вика. Я обернулся, увидев полное недоумение на её лице и в руках елочную игрушку, подаренную Францем много лет назад, и прис-

нул от смеха. Игрушка имела вид мужского полового органа в смешной вязаной шапочке и нарисованной мордочкой. – Я надеюсь, у него там подружки нет? – она тыкнула пальчиком на коробку с украшениями для ёлки.

– Нет, – уверил девушку, всё ещё смеясь. – Его пара в виде женского бюста была подарена другому человеку. Кстати, шапочка у него снимается, – заметил, как ни в чем не бывало, и продолжил открывать бутылку.

– Это, конечно, прелестно, но оставим-ка этого мужчину в приличном виде, – она поправила на игрушке шапочку и отложила в сторону.

– Повесь на ёлку джентльмена. Смотри, у него и шапочка новогодняя, он во всеоружии к празднику.

– Боюсь спросить, в секшопе распродажа была к Новому году?

– Нет, это знакомый подарил после своего путешествия по Европе.

Вика всё ещё наряжала елку, а я, сидя на полу у дивана с бокалом виски, наблюдал за ней и не мог скрыть улыбки. Сейчас она похожа на маленькую девочку: радостную, беззаботную, даже блеск в глазах появился. Без косметики, с ещё влажными после душа волосами, в одной моей футболке, которая доставала ей до середины бедра, она вызывала во мне желание подойти и, обняв, зарыться в её волосы носом. Пропитаться до нутра тем моментом внутреннего покоя, который накрывал меня с каждой минутой всё сильнее. Почему мой выбор пал именно на неё? Да всё просто, вести к себе первую согласившуюся бабу – это означало либо играть определенную роль, либо пытаться узнать нового человека. А с ней уже всё это было пройдено. Чего таить, на протяжении последних полутора месяцев я хоть и не видел её, но постоянно возвращался мыслями, задаваясь вопросами, как она. Всё ли с ней в порядке? Абсурдно. Совершенно не логично, но её честность и дерзость подкупали. Я ещё ни разу не смог поймать её на лжи, и мне это нравилось. Улыбнувшись сам себе, делаю глоток виски и, поднявшись, подхожу к ней, вешаю пару шаров на ёлку.

– Надень верхушку, а то я не достану, – я беру из её рук украшение и водружаю на вершину ёлки.

– Всё, готово.

– Это можно отметить.

– Я бы сказал – нужно, – протягиваю Вике её бокал, мы чокаемся ими. – С Новым годом!

– С Новым годом! – улыбаясь, произносит она, делая небольшой глоток. А я подвисяю в этом моменте. В её глазах отражаются разноцветные огоньки гирлянды и блеск игрушек. Она закусывает нижнюю губу, смотря на елку.... Сейчас она настоящая, без искажающего света софитов. И чёрт, мне это нравится.

Мы ужинаем, разговариваем, смеемся, обсуждая и комментируя происходящее на экране телевизора. И становится легко, с каждой минутой кажется, что все, что было на протяжении дня, мне показалось, приснилось, было каким-то спектаклем, а сейчас вот она реальность, настоящая, живая и легкая.

– Я уже пьяная, – произносит Вика, прислоняясь спиной к дивану.

– После одного бокала?

– Да, мне мало надо, я почти не пью.

– Признаться, ты меня всё больше удивляешь.

– Чем? Не оправдываю навязанное обществом клише?

– Что-то вроде того.

– Секс, алкоголь и наркотики – это первое, что приходит любому обывателю на ум в качестве ассоциации с работой стриптизерши. Но в моём случае, секс, как необходимость, алкоголь в малых дозах и очень редко, а наркотики и вовсе обхожу стороной.

– Всё больше вопросов в моей голове, – усмехаюсь, делая глоток из своего бокала.

– Так задавай.

– Уверена, что хочешь на них ответить?

– Я догадываюсь, что ты хочешь спросить. Почему после насилия я не стала заглушать психологическую боль всеми доступными средствами? Во-первых, это бы ничего не поменяло. Алкоголь и наркотики – это не ластик, они не стирают прошлое, но лишают тебя воли и контроля. А я предпочитаю трезво оценивать реальность. Во-вторых, подобный допинг вызывает зависимость и, как правило, финал в таких историях один.

– Ты сказала, секс, как необходимость, но я не заметил особого желания в прошлый раз. Дело в партнёре? – она улыбнулась.

– Ты неправильно понял. Необходимость – не как физиологическая потребность, а как потребность в деньгах. Я не испытываю... не испытывала желания... – я потер пальцами лоб, она озадачивала меня. Неожиданно...

– Почему ты сейчас на последних словах исправилась?

– Да, ладно, Демид, – она на пару секунд опускает глаза к своему бокалу в неожиданном для меня смущении, – ты всё понял. Не нарывайся на комплимент, лучше добавь мне, пожалуйста, льда в бокал, – я бросил в её стакан пару кубиков и наполнил свой. – Люблю новогодние праздники только за наличие наряженных ёлочек, – неожиданно произносит Вика, меняя тему разговора. – Они всегда вызывали во мне ощущение какого-то чуда и волшебства.

– И чудо происходило?

– А разве это важно? Гораздо важнее эмоции, которые дарит ожидание. Ведь, когда ты получаешь желаемую вещь или происходит долгожданное событие, оно порой приносит лишь разочарование.

– А если всё же подарит радость?

– Это тоже эмоции. Даже в подаренных цветах важны не сами цветы, а эмоции, которые они вызывают. Эмоции, с которыми были подарены. Всё и всегда завязано на чувствах. Даже прагматичные решения, так или иначе, принимаются под воздействием эмоций... Слушай, а у тебя случайно фена нет? – внезапно произносит Вика

– Нет, такого добра в хозяйстве не держу.

– Волосы до сих пор влажные. Если не высохнут, утром на голове будет воронье гнездо.

– Заплетёшь косу и всё.

– Косу? – она удивленно вскидывает бровь.

– Да, а что? – не понимаю её реакции.

– Я никогда сама себе косы не плела. В принципе, не умею этого делать.

– Ты серьёзно? У тебя же длинные волосы, ну и ты...

– Девочка? – заканчивает она за меня, улыбаясь.

– Ага.

– Видимо, меня как-то этот навык обошёл стороной. Вот батарею чинить от протечки я умею, гвоздь забить могу, шуруповертом даже пользовалась, а вот косы плести не научилась.

– Иди сюда, заплету, – я хлопаю ладонью по ковру рядом с собой.

– Ты шутишь сейчас? – она забавно хлопает ресницами.

– Нет. Когда родилась Мирка – это моя младшая сестра, мне было двенадцать, и как только она пошла в детский сад, я заплетал её каждое утро. Бантики, хвостики, косички, пока в армию не ушёл. Так что, не бойся, без волос не останешься.

Собираю её волосы и, разделяя на три пряди, начинаю заплетать косу. Вика замирает, словно боится пошевелиться.

– Неприятно?

– Наоборот, – тихо произносит, пытаясь справиться со сбившимся дыханием.

– Эм, что наоборот?

– Слишком приятно, – и я замечаю, как она сжимает пальцами длинный ворс ковра.

– Тогда расслабься, – произношу, прислоняясь к ней. Вика вздрагивает, сильнее смыкая веки и закусывая нижнюю губу. Доплетаю косу и вместо ленты или резинки прихватываю волосы подвернувшимся под руку кусочком новогоднего дождика. Перекинув косу через её плечо, скольжу губами по её шее, слыша в ответ сдавленный стон. Отзывчивая. Заставляю откинуться спиной на мою грудь, и провожу ладонями по её бедрам, раздвигая немного ножки.

– Демид... не ... надо, – сдавленный шепот и попытка убрать мои руки.

– Ш-ш-ш... не бойся, – целую её плечо, немного прикусывая кожу. Отодвинув в сторону ткань белья, скольжу в неё пальцами, влажная. Вика опять напрягается, но не может сдержать стон. – Расслабься, – пара движений по клитору и снова пальцами внутрь. Она выгибает спину, запрокидывая голову на моё плечо, из груди вырывается полувсхлип, полустон. А мне мало, я хочу увидеть больше. Повторяю всё снова, забираясь второй рукой под футболку и сжимая её грудь. Она пытается свести ножки, но я фиксирую их своими. Вика дышит всё чаще, хватая ртом воздух.

– Ну же... дай этому произойти... Просто расслабься, – шепчу ей на ушко и прижимаюсь губами к её шелковой коже, ощущая, как она, словно делая усилие, отпускает себя, а спустя мгновение вздрагивает в моих руках, всхлипывая и выгибая спину. Сдавленный стон, и мелкая дрожь её стройных ножек. Это было ох*енно красиво. Поправляю белье и отпускаю её ноги из захвата. Она всё ещё рвано дышит, но поворачивается в моих руках, открывая глаза.

– Посиди немного, и пойдём спать.

– А ты? – спрашивает, смотря на меня всё ещё затуманенным взглядом.

– Потерплю, – улыбаюсь. – Я обещал сегодня одной девушке, что пригласил её к себе без всяких умыслов, а слово надо держать.

– Какой ты ... – она начинает неожиданно смеяться, уткнувшись в моё плечо.

– Какой я?

– Дурак.

– Я – дурак?

– Да, – она всё ещё смеётся, – и знаешь, долги надо отдавать вовремя, – с этими словами её ручка скользит под резинку моих боксеров, вышибая из меня воздух на раз. Вика скользит по ковру, почти ложась на него, и проходит своим язычком по головке, заставляя меня с шипением выпустить воздух сквозь зубы. Она скользит своими губками по всей длине, заставляя мой мозг плавиться. Она делает это медленно, словно проверяя мою выдержку, а мне до зуда в ладонях хочется намотать её косу на свой кулак и войти грубо, резко, увеличивая темп. Но, несмотря на затуманенное сознание, сдерживаюсь, понимая, что напугаю, что она вновь захлопнется, как ракушка. Поэтому просто провожу ладонью по волосам, поощряя её действия. Подойдя к краю, провожу ладонью по её лицу, прекрасно зная, что не все женщины любят вкус спермы.

– Вик, – сдавленно произношу, давая понять, что она может остановиться. Но она отводит мою руку в сторону, прижимая её к ковру, и берёт глубже. Твою ж мать.... Перед глазами яркие всполохи вспышками разывают сознание. Когда Вика отстраняется, проводя языком по своим губам, и поднимает на меня свой взгляд, в котором сквозит явная неуверенность. Она что, смущается? Улыбаюсь, провожу пальцами по её щеке. Она прикрывает глаза, а открыв их, улыбается в ответ и, взяв в руки бокал, делает пару глотков.

– Уже восемь утра.

– Ты работаешь завтра, точнее уже сегодня? – поправляюсь, понимая, что первое января уже наступило.

– Нет. Выходной.

– Хорошо, тогда можем спать до самого вечера.

– Надо со стола всё в холодильник убрать, а то испортится, – мы убираем остатки ужина. Закрыв на кухне дверь, я закурываю. Вика подходит ко мне и тоже подкуривает сигарету. Беру

со стула брошенный утром халат и накидываю на её плечи, приоткрывая окно и включая дополнительно кухонную вытяжку.

– Спасибо, – произносит, выпуская дым, а я, отчего-то улыбаюсь, сам не до конца понимаю от чего. Просто, то ощущение легкости и какого-то подобия уюта оно не уходит, не рассеивается... Непривычно...

Мы ложимся спать. Вика устраивается на самом краю кровати. Не могу понять её стеснения, обнимаю, прижимая к себе.

– Демид... – она что-то хочет сказать, но я не даю.

– Спи, – произношу, почти моментально проваливаясь в сон.

Наше утро настало довольно поздно. На календаре было первое января, а на часах шестнадцать минут пятого. Вика спала, положив голову на моё плечо и прижав свою ладонь к моей груди. Не хотелось её будить. Нет, не оттого, что я такой добрый и бескорыстный самаритянин, я далеко не такой. Скорее не хотелось, чтобы настроение предыдущей ночи так быстро рассеялось. Но действительность всегда вносит свои собственные коррективы. Вика просыпается, отстраняясь, и моргает.

– Прости, – произносит с улыбкой на губах.

– За что?

– Разлеглась на тебе. Наверное, руку отлежала.

– Нет, всё нормально.

– Сколько времени? – поворачиваюсь в сторону тумбочки, на которой стоят часы.

– Двадцать минут пятого.

– Ничего себе. Давно я столько не спала.

– Признаться, я тоже.

– Мне домой надо.

– Зачем?

– Там Бася голодная. Вряд ли её вчера кто-то кормил.

– Тогда позавтракаем, и я тебя отвезу.

– Хорошо.

Мы выпиваем кофе, и начинаем собираться. Я накидываю рубашку, а Вика идёт в коридор обуваться.

– Зачем это? – произносит, заметив на своей сумочке деньги. – Демид? – она смотрит прямо, не отводя глаз, и я отвечаю ей тем же.

– За вчерашнюю ночь, – вот так, честно и без фальши. Ночь закончилась, и нам двоим пора возвращаться в реальность.

– Я была с тобой вчера не за деньги, – отвечает спокойным тоном, без тени эмоций.

– Вик, они тебе нужны, – она жмурится от этих слов, словно от боли.

– Не надо, – откладывает купюры в сторону. – Оставь мне хотя бы иллюзорную веру в то, что всё было искренне и по-настоящему, – вижу, как она изменилась в лице. Но, наверное, это и к лучшему...

– Я не хотел тебя обидеть.

– Ты не обидел.

Мы вышли из подъезда, а я так и не могла заставить себя вымолвить хоть слово. Нет, я не могла на него обижаться. Тут не на что затаивать обиды. Он просто указал мне моё место. Только я и так о нём не забываю. Я понимала, что эти часы, проведенные с ним, закончатся. Проснувшись, я уйду и вернусь домой, в свою жизнь, в свой личный ад. Но мне так хотелось сохранить в памяти эти минуты. Этот небольшой отрезок времени оставить для себя. Пусть даже не настоящий, но очень тёплый кусочек счастья. Идиотка! Когда я успела стать такой

наивной? Мне даже на секунду забывать не стоит, кто я. Просто стоит сказать ему «спасибо» и попрощаться. Ведь этот Новый год был действительно праздничным для меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.